

Духовная проза

Владислав Бахревский

ПАТРИАРХ ТИХОН

Пастырь

Духовная проза (Вече)

Владислав Бахревский
Патриарх Тихон. Пастырь

«ВЕЧЕ»

2018

Бахревский В. А.

Патриарх Тихон. Пастырь / В. А. Бахревский — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Духовная проза (Вече))

ISBN 978-5-4484-7899-4

Этот роман рассказывает о патриархе Тихоне, возглавившем Русскую Православную Церковь в один из сложнейших для неё периодов – осенью 1917 года. Упраздненное при императоре Петре I патриаршество было восстановлено, но императорская власть, которая не только подчиняла, но и служила для церкви опорой, перестала существовать. Под угрозой уничтожения оказалась и сама церковная жизнь в России, а новому патриарху следовало не только принимать сложные решения, но и служить примером для множества людей, стать истинным пастырем, который поможет не потерять нравственные ориентиры в круговороте революционных событий. Первая книга романа посвящена событиям до 1917 года, становлению личности будущего патриарха, его служению в далекой Америке, а затем – в центральных областях России и в Литве.

ISBN 978-5-4484-7899-4

© Бахревский В. А., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Детство патриарха	6
По малину	6
Отец Иоанн	10
Торопец	13
Ходочок	16
Детские молитвы	19
Пророчество	22
Учитель	24
Человек империи	28
Свет	32
Увлечение торопчан	34
Жизнь в миру	37
Семинария	37
Первая проповедь	39
Горе	41
Академия	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Владислав Бахревский

Патриарх Тихон. Пастырь

© Бахревский В.А., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Лепта Книга», иллюстрации, 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Детство патриарха

По малину

Младенчество – дивное продолжение вечности. Жизнь для младенца – Вселенная материнского тепла, а все земные неудобства, все горести – мокрые пеленки да газы, тревожащие животик.

Вечность не спешит расстаться со своими птенцами. Уже и ножки бегают, и речь разумна, но сладкий сон полубытия все длится, длится... Чудо пробуждения неожиданно.

И вот стоял он на изумрудной земле. За лугом темные ели, как церкви, а иные похожи на древний отцовский молитвенник: ветви расходятся от ствола строчками тяжелых славянских букв.

Должно быть, это и есть книга – для зверей, для птиц. Тень от ельника густая, под нижними лапами сидят сумерки, ждут своего часа.

Перевел глаза на луг, на пригорок, и уж так сладко вздохнулось: свет! От земли до небес, а небесам конца и краю нет. На пригорке по зеленой траве золотые гвоздики. Лютики. Каждый цветок до краев полон сиянием. От подошвы пригорка до вершины – камни. Горяче-розовые, длинные, как рыбы. Они словно плывут, стремясь в небо.

Ели – тайна, камни – тайна. Цветы – тоже тайна. И свет. Сердце стучало, под горло подкатил комочек. Пришлось нахмуриться, чтоб одолеть неведомые слезы.

На первую свою вершину, на бугорок среди луга, он взошел сосредоточенный, серьезный. Медленно поворачиваясь, оглядел мир, сотворенный для него Всевышним. Положил руки на грудь, запрокинул голову, сказал небу:

– Я – Василий.

Голова закружилась. Он лег, раскинул руки. И одна рука нашла камень, а другая – нежную чашечку цветка.

Было слышно, как муравей идет, раздвигая травинки: из бездны света смотрел Всевышний.

– Господи! – позвал Вася тихохонько, не ожидая, что Бог явится ему. – Гос-по-ди!

Сладко говорить со Всевышним сердцем, сладко слышать само слово «Господи». Маменька Анна Гавриловна говорит: «Боженьку надо любить».

Васе хочется растопырить свое сердечко, обнимая землю, небо, батюшку, матушку, братцев, няню Пелагею, весь погост Клин, где они живут, – избы, церковь, людей.

– Господи, я люблю Тебя!

Слова сказаны, но ведь надо что-то сделать, а что? Душа волнуется, сердце беспомощно сжимается...

– Вася!

Маменька кличет. Вскочил, замахал руками.

– Мы за ягодами, ты пойдешь с нами?

– Иду!

Стремглав побежал с пригорка, но на лугу остановился, оглянулся на розовые камни. Эти камни положил здесь Бог, но зачем? Почему – розовые? На лугу камни окатные белые, а здесь – розовые, длинные, как рыбы.

Из дому вышла няня Пелагея с корзиной для себя и с берестяным лукошком для любимца Васи. Пелагея – батюшкина родственница. Нянчила и Павла, и Ваню, и Васю. Теперь она ходит за скотиной, а за Васей только приглядывает. Подрос. Четыре года стукнуло.

За няней вслед, как на пожар, скатился со ступенек крыльца Ваня. Ему девять. Осенью поедет в Торопец, в духовное училище. У Вани лукошко из лыка, за плечами – лук, на боку – колчан из старой рукавицы. В колчане стрелы – ивовые прутики, но одна настоящая. С хвостом из гусяного пера, с железным наконечником. Стрелу Павел привез.

Появляется, наконец, и сам Павел. В соломенной шляпе, в высоких холодных сапогах. Маменьку перерос. Ему двенадцать лет. В последний класс духовного училища пойдет. У Павла в руках сачок и папка для гербария. У него в лесу научные цели.

Васе всего четыре года, но он тоже ученик. Батюшка показал ему буквы, русские и славянские. Маменька научила двенадцати молитвам. Учиться у батюшки все дети любят: не бьет, даже не кричит. Лаской обучает: читать, писать, знать все моря, все страны, всех князей, всех царей.

Павел в духовном училище отличник, и Ваня будет отличником. Вася уверен, что он тоже от братьев не отстанет, батюшкиной домашней науки не посрамит.

– Ну, лесовики, ничего не забыли? – спросила Пелагея.

Постояли, прикинули, не надо ли чего с собой взять.

Лето в самой поре: малина поспела, жарко.

– Напьемся из родников, – сказала Пелагея.

– Тогда идемте в Ложок, – предлагает маменька. – Там и ключи, и малина крупная.

– А крапива? – испугался Ваня.

Ваня, Вася и Пелагея босы, а крапива в Ложку стеной стоит, стережет красную ягоду.

– Мы сверху пойдем, – пообещала маменька. – Крапива хоть и кусается, да на пользу.

– В Ложку-то колосовиков наберем, – обрадовалась Пелагея. – После вчерашнего дождя да по такому теплу непременно высыпят. Я корову выгоняла в стадо – туман стоял теплый, как молочко парное.

Шли по сплошной кашке, пахло медом, пчелы после дождей работали усердно. Воздух дрожал от бесчисленных крылышек. Верещали ласточки. Трава становилась выше, выше. Гуськом вломились в чащобу кубышек. Под ногами зачавкала теплая вода. Маменька разулась, а у Павла сапоги непромокаемые, взял Васю на плечи. Высоко, а до пышных зонтиков кубышек едва-едва рукой дотянешься. Травяной лес кончился возле озера.

– Коровье Копыто, – сказала Пелагея.

– Сколько лилий! Боже ты мой! Как стая лебединая! – ахнула маменька.

– Лягушка! – прошептал Ваня.

– Тут их целая колония. – Павел повел рукой по контурам озера.

Вася увидел: лягушки сидели одна к одной вдоль всего берега.

– Не вспугнуть бы! – сказала маменька.

– Да отчего же не вспугнуть? – возразил Павел и шагнул к воде.

Шлеп-шлеп-шлеп – лягушки кидались в воду, вода в озере раскачалась, лилии словно ожили, задвигались, сладко пахнуло настоящим на солнце торфом.

– Я в детстве боялась лягушачьей икры, – сказала Анна Гавриловна.

– Маменька! Да отчего же? Что может быть безобиднее?

– Еще лед не весь растает, вдруг этот студень. Скользкий, холодный! Бр-р-р!

– А папенька меня на пруд водил удивляться зримому чуду. Из черных точек – головастики с хвостами, из головастиков – зеленые бесхвостые лягушки.

– Для батюшки Иоанна всякая букашка – умиление и радость, – сказала Пелагея и, повернувшись лицом к низкорослому кустарнику с островком березок, поклонилась. – Заждалась нас царевна-роща! Истомилась, ожидаючи, сладка ягода малинушка.

Ложок был узким оврагом. Он шел через всю рошу в луга. Весной вода скатывалась быстро, промоина на дне оврага была гладкая, круглая, как труба. Малина росла над трубою по обоим берегам, да так густо, что на нее можно было лечь: не уронит.

Теперь по руслу Ложка не вода – ягоды. Река сладка, а поди сунься. Уж такая крапива вымахала – не то что продираться сквозь нее – смотреть страшно.

– Выше конопли! – ужаснулась Пелагея. – Тут без шубы да без лаптей не проторкнуться.

– А это мы поглядим! – Павел поднял сучок и рубанул по крапиве.

Ваня бросил лук, выломал палку и ввязался в сражение. Вася крапиву жалел, в стороне стоял.

Проход братья проломили широкий, но Васю в малинник не взяли.

– Мы с тобой грибы поищем, – предложил Павел.

Пошли по березняку. Павел углядел впереди моховую поляну.

– Я туда, а ты в папоротниках посмотри.

Во мху прятались подосиновики.

– Вася! Тут гусар на гусаре. Такие все ровнехонькие. Иди ко мне!

– Си-час! – откликнулся Вася. Как же бросить папоротники, если сказано – посмотри.

Папоротники росли широко и были похожи на индюков с распущенными хвостами.

– Ау-у! – кликнула из Ложка маменька.

– Ау-у! – радостно отозвался Вася.

– Ау-у-у! – подхватил Ваня. – Ау-у-у-у!

Звонкий голос, как луч, пролетел насквозь березовую рощу и позвал из лугов:

– Ау-у-у-у!

И через долгий промежуток из неведомого далека:

– Ау-у-у-у!

Вася затаил дыхание, ожидая, где еще откликнется эхо, и у самых ног увидел большой, с темной шапкой, на толстенной ножке царь-гриб. Белый.

– Паша! – шепотом закричал Вася. – Нашел!

Павел не откликнулся, он резал подосиновики.

Вася осмотрелся. Еще гриб. Гладкий, как камень-окатыш.

– Паша! – снова крикнул Вася.

– Ну, что там у тебя?

– Грибы... Ой! Еще! И еще!

Павел пришел, удивился:

– Белые! Вася, ты посмотри. Они же по кругу растут.

Нарезали белых.

– Ау-у! – тихонечко позвала детей маменька.

– Здесь мы! Здесь! Ау! – отозвался Павел.

– Ау-у!.. – закричал было Вася, но Павел закрыл ему рот ладонью. По дальнему краю поляны шел большой, заросший щетиной вепрь. За ним – такая же тучная косматая самка, а за самкою цепочкой – поросятки.

Стояли молча. Когда семейство скрылось наконец, Павел отер ладонью пот со лба:

– Пронесло! – И взявши за руку Васю, побежал к Ложку. – Маменька! Поднимайтесь!

Тут кабаны.

Женщины быстрехонько выскочили из малинника, за ними Ваня.

– Пойдемте отсюда! – попросил Павел.

– Да ведь прошли кабаны-то! Доверху бы корзины добрать! – пожалела Пелагея.

– Идемте! Идемте! – рассердился Павел. – Кабаны с потомством. Тут шутки плохи.

Быстро пошли к Коровьему Копыту.

– Лук! – вспомнил Ваня. – Я лук оставил.

– Я тебе другой сделаю, – пообещал Павел.

– Ты их видел, кабанов? – спросил Ваня младшего братца.

– Видел.

– Страшные?

Вася подумал, покачал головой.

– И ты их не испугался?

– Нет, – сказал Вася. – Они хорошие.

– Хорошие! – Павел снова отер пот со лба.

– Белые-то какие! Да все чистенькие! – удивилась Пелагея.

– Вася нашел. По кругу росли, будто кто нарочно посадил.

У озерка отдышались.

Павел вспомнил о папке для гербария, о сачке.

– Вы ступайте, а я лечебные травы поищу. За стрекозами побегаю. Ишь какие зеленые!

Может, бабочка редкая попадется.

– Ты бабочек не лови! – попросил Вася.

– Я – для коллекции. Коллекция – это надолго, а бабочки – придет осень – от холода пропадут.

– Нет, ты их не лови! – снова попросил Вася. – Они ведь живые.

Отец Иоанн

Солнце провалилось в землю, когда воротился из Торопца батюшка Иоанн Тимофеевич. Прибыл тишайше. Пара лошадок подвезла тарантас к самым воротам и стала. Долгое ли было стояние, неведомо. Пелагея вышла поглядеть, не гонят ли стадо, и – назад домой:

– Матушка! Прибыли. Стоят спят. И Харитон, дурья башка, и батюшка благочинный.

Ворота отворили, лошади, не ожидая понукания, тронули. Ездоки пробудились.

– Конфеточек вам привез! – улыбнулся Иоанн Тимофеевич, доставая из торбы сразу две горсти.

– С благополучным пришествием, отче! – повернулся к седоку красноносый Харитон.

– Слава Богу! Слава Богу! Не расшиб, не опрокинул... – Иоанн Тимофеевич, все еще сидя в тарантасе, широко улыбнулся вышедшей из дому Анне Гавриловне: – Матушка! Блаженнейшая! Ты уж нас с Харитоном не ругай! По поводу угостились. Уж по такому поводу, что ты бы и сама нам поднесла по стопочке.

Иоанн Тимофеевич качнулся, отлепляясь от горячего кожаного сиденья, ступил на подножку тарантаса, но опереться руки заняты – потянулся к Васе, к Ване:

– Вот вам, ребяташки!

Ладошки у чад маленькие, конфеты посыпались мимо. Анна Гавриловна отвернулась.

– Си-час! Си-час! – встрепенулся Иоанн Тимофеевич. Ухватил торбу и проворно ступил на твердь.

Поднес по аккуратной горсточке Анне Гавриловне, Пелагее, Павлу. Троекратно расцеловался со взрослыми, благословил малых чад.

– Ну, детушки, матушки! Совершилось. Прощай, Клин, благословенная обитель наша! Всё, Анна Гавриловна, всё! Переведенция состоялась. Ты зришь настоятеля Спасо-Преображенского торопецкого храма. Господь преображался и нас ныне преобразил неизреченною Своею милостью.

Дети смотрели на маменьку. Маменька перекрестилась, за нею все домочадцы.

В горнице Иоанн Тимофеевич сел возле окошка, под образа, на патриаршее место, и загрустил. Семейство, ожидая подробного рассказа, помалкивало.

– Так-то вот! – Лицо батюшки сморщилось, стало маленькое, синие глаза заморгали, изпод век посыпался бисер слезинок. – Горожане вы теперь. Все, слава Богу, жданно и желанно, а сниматься с гнездовья – как в прорубь ухнуть.

– Батюшка, да что уж ты этак! – удивилась Анна Гавриловна.

– Двадцать лет, матушка! Двадцать лет лучшей нашей поры в Клину. До серебра в бороде дожил. Благочинием почтен. Страшно, матушка, верный очаг покидать. И согревал, и радовал.

– Очаг-то к нам добр, но куковать бы нам, батюшка, возле него в одиночестве. В этом году Ване уезжать, а там и Васе...

– Права ты, матушка, права! Но разве не заслужил наш Клин, чтоб о нем погоревать?

– Заслужил, батюшка! Заслужил. С шестнадцати лет я здешнему краю радуюсь. Всех детей моих родина.

– А про меня и говорить нечего. Хоть в ином месте рукоположен во иерея, но пастырем здесь стал, в милом сердцу Клину.

– Батюшка, а в Харитонове ты сколько служил? – спросил Павел.

– Меньше года. Я после семинарии остался без места. Жил в Сопках, у старшего брата, у Григория Тимофеевича. Одно лето миновало, другое. Нахлебничать, хоть и у родных, не лучшая доля.

– Отчего в город не ехал? В городе работы много.

– Голубчик! Паша! О чем ты говоришь? Это нынче послал нам Бог Александра Николаевича. Освободителя! – Иван Тимофеевич указал перстом в потолок. – А тогда ведь царствовал Николай Павлович. Вот кто был истинный природный самодержец. Строгостей было – Господи! В город, говоришь! Да меня там как празднующегося поповича в солдаты бы забрили без рассуждения. А попробовал бы рассуждать – о-о-о! За умничанье сквозь строй прогоняли. Чихнул невпопад – палок! Духовенство секли почему зря. – Иоанн Тимофеевич поежился, поглядел смущенно на Анну Гавриловну: – Поднеси, матушка, настоечки. Хоть с полштофа. Ознобило!

Матушка не перечила. Пошла приготовить закуски. Иоанн Тимофеевич повеселел:

– Видишь ли, Паша!.. Это ведь теперешняя молодежь городом бредит... А для нас Бог пребывал на родной земле, Беллавины потому и Беллавины, что из века в век Иисусу Христу служат. Сказано: «Весь бо есть бел Господь наш». Его истинным светом род Беллавиных бел.

– А нас вроде бы и Дьяконовыми кличут? – вспомнил Павел.

– По прашурам. До батюшки моего, Тимофея Терентьевича, все ведь дьячками были. Терентий Осипович, Осип Петрович, Петр Кириллович. Кирилл-то вроде священником был. Впрочем, духовенство – сословие крепостнее крепостного. В древние времена попасть в духовные можно было, а выйти – нет. Ваш дедушка первый в роду удостоился иерейского сана, а в диаконах служил с десяти лет.

– Как так – с десяти?! – изумился Павел.

– А что ты удивляешься? Терентий Осипович, твой прадед, оставил шестерых домочадцев женского пола, вот на его место и поставили сына-отрока, чтоб семья с голоду не перемерла. Ни семинарии, ни даже духовного училища отец Терентий не проходил. Читать и петь по книжкам учился. От батюшек набирался и ума, и знания... Уважаемый был иерей. Консистория его награждала и «за добродушие и усердие», и «за трезвую жизнь», и даже «за скромный характер».

– За скромный характер и ты награды достоин, – сказала Анна Гавриловна, ставя перед супругом графин с водкой, соленые рыжики, жаренную в сметане рыбу, молодой лук, малину в чашках.

– Что поделаешь, матушка, – развел руками Иоанн Тимофеевич, – трезвенностью Всевышний не наградил.

Анна Гавриловна вздохнула, быстро ушла за ситцевую занавеску, на кухню. Батюшка огорченно поглядел на чад:

– Беда, ребята!.. Ваш папенька подобен Ною, от которого детям его – искушение. Не берите с меня этого примера. Не огорчайте своих матушек.

Но Анна Гавриловна явилась от печи, светясь радостью, с огромным, позлащенным жаром пирогом.

– С грибами, чую! – воскликнул Иоанн Тимофеевич, вконец смущенный за свое питание, за огорчения, приносимые драгоценной матушке, смущенный даже счастливым видом ее.

– Грибы нынешние. Павел с Васенькой набрали.

Анна Гавриловна водрузила свое творение на стол и загляделась на семейство.

– Ты что? Матушка? – встревожился Иоанн Тимофеевич.

– Хорошие вы у меня. Золото с серебром, серебро с золотом. Вот уж воистину Беллавины.

Вася сидел, затаясь сердцем: ему было легко, как одуванчику. Помолился про себя: «Господи Иисусе Христе! Пречистая Богородица!» А о чем помолился, чего попросил – не ведал.

Батюшка прочитал молитву, выпил, отведал пирога.

– Блаженство, матушка, блаженство! – И поглядел на старшего сына: – Вот ты, Паша, в город за счастьем меня послал бы. Что тебе сказать? Терпеливее мы были. Куда как терпеливее нынешнего молодого поколения. Господь за терпение жаловал нас, грешных... Меня и в Сопках-то чуть было в рекруты не забрили. Спасибо, невеста сыскалась. Батюшка Анны

Гавриловны помре, а сыновей у него не было. Чтобы место за семьей сохранить, стали искать жениха для матушки вашей.

– Еще ведь и ждать пришлось со свадьбой, – улыбулась Анна Гавриловна. – Мне пятнадцати лет не было, а как исполнилось – сыграли свадьбу.

– Я уже диаконом был. Венчались в сентябре, а девятнадцатого октября памятного 1847 года высокопреосвященный Нафанаил, архиепископ Псковский и Лифляндский, рукоположил меня во священника. Вся наша жизнь, чадушки, – промысел Божий. Уж в таких я неудачниках ходил, что сам себе казался пустоцветом, человеком ничтожнейшим. Мне ведь двадцать пять лет было. Умные люди на мне крест ставили, а Господь по-своему судил. Священство даровал, ласковую супругу, пригожих детей. Судьбой, голубчики мои, наградил. Судьбой. Мой завет вы знаете: никогда не отступайтесь от Бога. Бог оставит вас, а вы не теряйте ни веры, ни надежды. И будет вам в сто крат всего, как Иову из страны Уц.

Вася смотрел на отца, притулившись к няне, волосы – как овсяная солома. Батюшка потянулся через стол, погладил Васю по голове, потом и Ваню, а Павлу руку на плечо положил: опора.

– Ах, чадушки! Много молились ваши деда, да жизнь без греха не бывает. Молитесь о них. Невелик труд помянуть человека, а для отошедших ко Господу молитвы наши – духовный нектар.

– Я дедушку Тимофея Терентьевича всегда поминаю, – сказал Павел, – и бабушку Екатерину Антоновну, прадедушку Терентия Осиповича и Осипа тоже, а как звали прабабушку?

– Авдотья Петровна. У Осипа Петровича супруга Прасковья Алексеевна. Осип Петрович сто лет прожил. Женился под пятьдесят. Прасковья Алексеевна была моложе его на двадцать девять годков. Последнюю дочь Осип Петрович родил, когда за шесть десятков перевалило! Могучий был человек. Уж так возглашал «многая лета» – свечи гасли. Вот и наказываю вам, не забывайте пращуров... Будьте к ним милосердны. Они-то о нас денно и ночью молятся. Помните заповедь Екклесиаста: «Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его».

Торопец

Нарядил Господь Бог город Торопец красотой неувядающей. Обаял хрустальными озерами, сокрыл лесными дебрями со множеством свирепых зверей. Дал на пропитание не землю, убогую хлебом, но воду, богатую рыбой. Исторгнул из озер глубокие реки, руби корабль и плыви, пока не достигнешь тридевятого царства.

Какая земля – такие люди. Именит Торопец торговым сословием. А где купец, там и грех. Купеческое покаяние рукотворно. Поставить Божий храм – душу побелить. Впрочем, всякий новый храм хоть чем-то, да виднее прежних. Сладко угодить Богу, но еще слаще затмить чужую казну сиянием своей сокровищницы.

Жителей в Торопце тысяч семь, с младенцами, церковей – двадцать девять. И ни одной древней развалины. А древностью даже Москва перед Торопцом не кичится. Отсчет своего бытия торопчане ведут по первому письменному упоминанию в лето 6582-е от Сотворения мира: назван в летописях среди русских исконных тридцати городов.

В Клинском погосте семейство Беллавиных имело две десятины земли, много скота и уютный домик, прозванный «поповкой». Новый дом смотрел на улицу пятью окнами. Хоромы. Улица широкая, мощенная деревянными торцами, но почему-то именуется переулком. По церкви – Спасским.

За домом, опускаясь в низинку, большой сад, огород, скотный двор, сарай для сена.

Храм Спаса Преображения на другой стороне улицы. Бесстолпный, с двумя рядами окон. Расширения ради пристроено место для алтаря и придел для крестильни.

Храм величавый, куб с кокошниками под высокой квадратной крышей. На угловых кокошниках изразцы. На изразцах темно-зеленые орлы о двух головах. Царские. Купол над храмом невелик, далеко не глядит, а колокольня как сторожевая башня. Восьмигранная, массивная. Церковь при царе Федоре Алексеевиче строилась, а колокольня – петровское ухищрение. Куполок как перст.

Все в доме радовались красоте, вместительности храма, солидности прихода. Не ахти как многолюдно, зато дешевых свеч угодникам не ставят.

– А главная моя радость, матушка, – говорил в счастливую минуту отец Иоанн, – никто теперь не посмеет сказать о наших детях – деревенщина! Торопец невелик, но в анналах истории стоит крепко. Здесь куда ни ступни – древность, а древность дороже золота. Я теперь иду-иду, да ногою-то и потрогаю землю: по векам ходим, матушка.

Отцовские слова как семена в Васиной душе.

Отпущенный из дому погулять, он бродил вокруг церкви, глядя под ноги. Нашел изумрудный с позолотой осколок изразца, верхнюю часть орлиной головы с короной.

– Золото, что ли, нашел? – спросил церковный сторож Мокей младшего поповича.

– Древность. – Вася показал находку.

– Торопец древностью не скуден. Мы ведь постарше Москвы на семьдесят три года. Стольный град во внуки нам годится. – Борода у Мокея была рыжая с сединой, висела на груди как плохо надутый бычий пузырь. – Я вот тебе что покажу... Погоди-ка, погоди-ка!

Мокей принялся шарить по карманам и наконец извлек крошечную кособокую денежку. Поднес к глазам поповича:

– Зришь?

– Зрю, – сказал Вася.

– Зришь, да не ведаешь. Знаешь, что за денежка?

– Нет, – виновато сказал Вася.

– Этими денежками святого князя Александра Невского с его княгиней посыпали, когда они из нашей церкви выходили после венчания. Слышал о князе?

– Слышал.
– Батюшка, что ли, сказывал?
– Павел.
– А чем знаменит святой князь, знаешь?
– На Чудском озере немецких рыцарей во льдах потопил.
– Знатно! Держи денежку. На долгую тебе память от Мокея.
Взял Васю за руку, вложил в ладошку монету.
– Спасибо, – сказал мальчик и, вздохнув, протянул сторожу кусочек изразца.
– Благодарю! – Мокей вдруг прослезился. – Себе оставь, твое счастье. Братцам покажешь... А вот скажи, батюшка-то Иоанн зело строгий?
Вася покачал головой.
– А матушка?
– Маменька ко всем добрая.
– Ну и слава Богу! По тебе видно, сколь просты душою Иоанн с Анною. Хорошо живется деткам в семье у батюшки, значит, и приход будет как семья. Я многих батюшек на своем веку перевидал. Каковы детки – таковы и батька с маткой.
Вася побежал домой показать обретенные древности.
Кусочек изразца больше всего понравился Ване. Павел обрадовался монетке:
– Действительно, древняя! Конечно, не времен Батя и Александра Ярославича... Царя Алексея. Между прочим, я узнал, что на Светлицком озере стоял город варягов. Варяги, Вася, это суровые бесстрашные воины из северных полных стран. У них были огромные мечи.
– Вот в какое дивное место батюшка нас привез, – сказала Анна Гавриловна, разглядывая то монетку, то осколок изразца. – Неужто чудотворец и заступник Александр Невский в нашей церкви венчался?
– Вздор, маменька! Это чистой воды вздор! – замахал руками Павел. – Батюшкин храм – сооружение конца семнадцатого – начала восемнадцатого века, а князь Александр Ярославич венчался в Торопце в тринадцатом столетии.
– Паша, но люди-то говорят.
– Маменька, так ведь смотря кто говорит. Излишняя доверчивость сродни невежеству. Разве уместно слушать всякого, кто верит нелепицам и нелепицы плодит.
– Так-то оно так. А все-таки...
Быстро вошел в комнаты батюшка:
– Исторические споры? Собирайтесь, снаряжайтесь! Отец диакон зовет нас покататься на своей лодке.
– Да уж вечер скоро! – возразила Анна Гавриловна.
– То-то и оно! Отец диакон луну обещал. Так что без света не останемся, а вот одевайтесь поплотнее, на воде свежо.
Диакон Спасо-Преображенского храма отец Алексей после окончания Псковской семинарии служил первый год, но весь род его был искони торопецким.
Оба молодца, Алексей и Павел, сели на весла. Матушка с батюшкой ушли на корму, а Ваня с Васей пристроились на носу – вперед смотреть.
Сначала прошли мимо острова с храмом Богоявления.
– В нашем краю кривичи жили, – сказал отец Алексей. – Вон видите холмики? Здесь стоял град Кривечь. Родной батюшка нашему Торопцу... Древнее новгородское владение. При святом князе Владимире Кривечь попал под власть Киева, а противниками киевской власти были полоцкие князья. Они отвоевали у Киева волоки по Днепру, по Ловати. Вот тогда и возшла звезда Торопца. Киевские купцы освоили торговый путь через Залесскую землю в Новгород и в иные дальние страны. Волок от реки Желны в нашу Серезу – тридцать верст, но пристани Торопца стали желанными.

– Отец Алексей! Как хорошо ты знаешь историю! – удивился Иоанн Тимофеевич.

– Уж такой вот учитель в нашем Торопецком духовном училище. Матвей Матвеевич. Коли бы не запои, в академии мог бы преподавать.

– Мы слышали, будто святой князь Александр Невский в вашем – ох, в нашем, в нашем! – Торопце венчался.

– На дочери полоцкого князя Брячислава Александре. Известен год венчания: 1239-й. А его отец, князь Ярослав Всеволодович, тоже на торопецкой княжне был женат. На Феодосии, дочери Мстислава Удалого. Впрочем, иные полагают, что имя матери святого князя Александра – Ростислава, Феодосия – это ее крестное имя. Мстислав Удалой известный в истории князь. На Калке был.

– А Батый? Батый сюда приходил? – спросил Павел.

– Бог миловал. Литва набегала, да и не только Литва. Торопец с 1115 года вошел в Смоленское княжество, а потом вместе со Смоленском в 1404 году был в рабстве у Литвы. Почти сто лет. Москва отвоевала Торопец только в 1500 году.

Лодка двигалась быстро, а берега медленно.

– Корсунско-Богородицкий собор, – указал отец диакон. – Здесь наша святыня: образ Корсунской Богоматери. Писана евангелистом Лукой. Из Византии в Полоцк привезена княжной Ефросиньей, а к нам попала во время венчания святого князя Александра с Александрой Брячиславной. Никольская вон церковь, Покровская... Миллионная улица... Городок растет не ахти как споро. По плану императрицы Екатерины было в Торопце пять площадей и семнадцать улиц на пять тысяч человек. Теперь жителей тысяч семь-восемь, а улиц с полсотни.

Вдруг сильно плеснуло. Лодка колыхнулась.

– Господи! Что это? – испугалась Анна Гавриловна.

– Будьте покойны, матушка! – улыбнулся отец Алексей. – Рыба гуляет.

– Что же это за рыба такая? Лодку-то аж в сторону бросило.

– Кит! – просиял Ваня.

– Рыба совсем даже не грозная, – сказал отец Алексей. – Карп.

– Ну-ну! – рассмеялся Иоанн Тимофеевич. – Я понимаю – сом, щука... Больно велик для карпа...

– Верно говорю, батюшка! Пудовые карпы у нас – обычное дело. А иной раз добудут – фунтов на сто. И больше!

– А ты не рыбак, отче диакон?

– У нас все маленько рыбаки.

– Порыбачим! – Иоанн Тимофеевич руки потер от удовольствия.

И тут раздался тихий восторженный голосок:

– Луна!

Все посмотрели на Васю. Лицо мальчика светилось, озаренное радостным благодарным удивлением.

– Луна! – сказал он взрослым, не понимая, почему смотрят на него.

– Луна, – согласился батюшка и улыбнулся. – Господи! Сколько благодати в Твоем мире!

Ходочок

Жизнь долгая, а катится быстро. Порадовался первому хрусткому ледку – и уже на улицу не сунься.

Душа на Святках как сосуд, с краями налитый восторгом, а тут уж и Сретение. Березы, набухая почками, будут искать весну в небесных проталинах и найдут, явятся птицы, насвищут золото одуванчиков, одуванчики на пороге лета облетят, но вытянутся, осветят лесные затененные тайники чистые, холодные, как снег, ландыши. Не успеешь оглянуться – и года нет...

Семейство батюшки Иоанна прижилось в Торопце. Ясный голос, светлое лицо, открытая нестяжательная жизнь настоятеля Спасо-Преображенского храма притягивала прихожан. Стали звать батюшку для исполнения треб из окрестных местечек. На крестьянской приязни не разбогатеешь, а завистливых толков не оберешься.

Впрочем, священники хлебных приходов, зная, сколь невелика лепта от дальних походов в пустоши да на кордоны, только посмеивались.

Однажды летом приехал за батюшкой Иоанном из-за Яского озера мужичок на толстой жеребой кобыле. Нижайше просил пособоровать мать: уж очень стара и плоха.

День был ласковый. Отец Иоанн без лишних слов взял облачение и все, что нужно для таинства, а Вася стоит у двери и глазами то на батюшку, то на матушку.

– Папенька, возьми меня с собой.

– У нас лебеди на озере живут! – взял сторону отрока мужичок.

– Лошади не тяжело будет? – засомневался Иоанн Тимофеевич.

– Она у меня о двух жилах! Да и какая тяжесть от ребятенка!

Матушка благословила.

Поехали.

Лебедей Вася видел. Было жарко. Лебеди стояли на воде, как облако на небе. Лебедята в камышах егзили. Сладко пахло теплой влажной землей, водой, мимолетным дождем. Стрекозы, намкнув, сидели на вершинках высоких трав.

Пришли батюшка с мужичком. Мужичок принес широкое полотенце, постелил на траве. Прибежала стайка девочек. На полотенце появились две кринки молока, глиняная кружка с малиной, пяток тощих морковок.

– Откушайте! – предложил мужичок. – Хлебца нет. Ждем не дождемся, когда новый поспеет. Кушайте, а я пойду запрягать.

Молоко было холодное, слой сливок толстый, морковки молоденькие, нежные, малина, припеченная солнцем, сладкая.

Мужичок скоро прибежал назад, красный от смущения:

– Батюшка, смилуйся! Кобыла – того, ожеребилась... В избе душно, вы в лесок подите, на полянку. А я побегу в деревню, лошадь поищу.

– До деревни десять верст, туда, обратно... За три часа мы с Васей до дому дойдем.

– Ой ли, батюшка?!

– Ничего, – успокоил мужичка Иоанн Тимофеевич. – Молоко вкусное, малина сладкая. Лебеди белые. Спасибо.

Встали и пошли. Дорожная пыль, окропленная дождем, пахла рекой.

Чем дальше шли, тем мокрее была земля. На дороге появились лужи.

– Здесь, видно, ливень был, – сказал Иоанн Тимофеевич. – Давай разуемся. Идти будет легче.

Теперь луж не обходили.

– А ты у меня ходочок! – похвалил батюшка. – Нет ничего лучше в человеческой жизни, чем путешествие.

– А мы разве путешествуем? – удивился Вася. – Я думал, мы просто идем.

– Путешествия по-русски исстари так и назывались – хождения. Ты погляди вокруг! У Господа ни одного человека нет одинакового, ни дерева, ни травинки. Вот мы идем, и все что-нибудь иное... На Божий мир наглядеться досыта человеку не дано.

– А близнецы? – сказал Вася. – Близнецы одинаковые.

– Похожие, Вася! Похожие! Не устал?

– Потерплю.

– Ты вокруг гляди, радуйся. Когда у человека в сердце радость, он о ногах не думает... Я бы всю жизнь путешествовал, да Господь иначе судил. Может, вам, детям моим, будет даровано видеть чудеса белого света... А вообще-то всякий человек, хоть бы и на одном месте живущий, есть путешественник. Святитель Тихон Задонский верно сказал: «Жизнь наша в мире сем – не иное что, как непрестанное путешествие к будущему веку».

– Тихон был владыка?

– Преосвященный. Епископ Воронежский, Задонский, чудотворец... Светлый пастырь, мудрейший боголюбивый человек. А жизнь прожил очень нелегкую.

– Почему? – вырвалось у Васи.

– Я понимаю твой вопрос. Боголюбивый, светлый, разумный. Такому бы жить как у Господа за пазухой, а на деле все наоборот. Время, сынок, выпало святителю не светлое. Темное время. Ты за свою жизнь услышишь многие хвалы Великому Петру, но всегда помни, что отец тебе сказал. Царь Петр – церковный разоритель, после него для православия худых дел только прибывало. Святителю Тихону веры не прощали, веры и праведной жизни. Говорят, по здоровью ушел на покой, а я думаю – принудили. Над ним и в монастыре смеялись, а уж поруганий, понуканий претерпел он без меры.

Батюшка Иоанн остановился, наклонился к сыну:

– Ты что приуныл? Преосвященного жалко?.. Вася, да народ почитал его, ушедшего от пастырских дел, за всероссийского епископа. Господь же наградил величайшей наградой – святостью. К Себе на небеса взял в день отдания праздника Преображения Господня. У Иисуса Христа все мы – дети Света, но каждый из нас от вершины Фавора отстоит ровно настолько, насколько близок жизнью к Господу. Святитель Тихон на самом Фаворе. Жизнь сир, да несказанно духом богат. Сам о том говорил: «С Господом везде Рай, без Него всюду ад и безотрадное крушение духа».

Дорога все вилась, вилась, раздвигая лес.

– Посидеть бы, – возроптал Иоанн Тимофеевич, поглядывая на утомленное личико сына. – Все мокрое.

– Ничего, – успокоил батюшку Вася. – Когда сидишь, дом не приближается, а мы шажок сделаем, и Торопец ближе.

Небо снова стало хмуриться. Косяки мороси повисли над землей.

– Не озяб? – забеспокоился Иоанн Тимофеевич.

– Еще и жарко, – сказал Вася.

– Видишь, как получилось!

– Мы же путешествуем.

– Да вот, совсем как странники. Проголодался?

– Я потерплю.

В Торопец пришли в сумерках. Перед городом обулись. А по городу тоже еще идти да идти.

– Может, посидим на бревнах? – показал батюшка.

– Посидим, – согласился Вася.

Сели. Бревна еще не струганые. Кто-то привез дом перестраивать. Ноги пылали от ходьбы, болела спина.

– Ничего? – спросил батюшка.

– Ничего.

– Давай я тебя на плечи возьму.

– Я дойду, батюшка! – Вася поднялся.

– Пошли, – вздохнул Иоанн Тимофеевич. – Много терпели, а немножко как-нибудь.

Дома Вася опустился на порог, хотел снять обувь, но прислонился головой к косяку двери и заснул.

– Какой же у нас терпеливый сын! – сказал матушке Иоанн Тимофеевич, укладывая спящего в постель.

– В тебя. – Матушка улыбнулась.

– Уж такой ходочок!

Детские молитвы

Крещенских морозов даже лед не выдерживал, лопался, а в Торопце у молодых самая гульба. Избы, снятые под субботки, помечены фонарями на высоких жердях. В горницах в три ряда, один над другим, скамейки, в красном углу или под потолком светильник в ярких лентах, с шестью толстыми свечами.

Хозяйки субботок – девушки. Они садятся на скамейки, богатые – в первом ряду, и ждут парней. У двери девочка с тарелкой: вход платный, кто сколько положит. От парней девушки желают веселых прибауток, хвалебных песен. И сами поют, славят пришедших, а задирам отвечают острым словцом.

Вася с ребятней бегал заглядывать в окна. Иные хозяйки пускали мелкоту – у порога посидеть, поглядеть, послушать.

Душа ликовала: всем ведь хорошо, всем весело, луна еще не взошла, ночь темная, а не страшно.

Забрались на Емшу, где ямщики жили, вдруг край неба начал наливаться багровой зарею. – Пожар! – смекнули ребята. – Поместье, знать, горит. Да ведь и еще одно.

Вася поспешил домой, а его уж собирались идти искать. Отец диакон всех напугал: прибежал предупредить, чтоб за домом смотрели. Мужики дурят. Давно грозилась красного петуха пустить. Озлоблены. У мужиков – воля, а у помещиков – земля. Крестьянские наделы, которые еще выкупить надо, урезаны.

Отец диакон оказался прав. Уже на другой день в Торопец привезли повязанных по рукам, по ногам мужиков-бунтарей. Сгорело два поместья. Одно дотла, другое отстояли. Нашлись, однако, сердобольные. Стали носить мужикам пропитание.

Вася тоже попросился у маменьки. Анна Гавриловна позволила, дала сыну корзину яблок да пирог с рыбой.

Шел к казенному дому, замирая сердцем. Там ведь жандармы с шашками.

А жандармов двое. Усы торчком, лица грозные. Запнулся Вася шагах в десяти от крыльца – ни туда ни сюда. Назад повернуть совестно. И нет никого, чтоб вместе к мужикам пройти.

Мороз. Жандармы по крыльцу ходят друг дружке навстречу, сапогами пристукивают, а Вася торчит, как заяц, и варежку к носу жмет.

Вдруг один жандарм спустился на первую ступеньку и позвал:

– Эй, малец! Иди сюда.

Вася подошел.

– Чего принес? Яблоки, пирог... Для злодеев, и такие яблоки. Дом спалили... Проходи, а то ведь замерзнешь.

Вася поднялся на крыльцо, прошел мимо второго жандарма, а в сенях еще двое. Комната, где ждали своей участи мужики, была просторная, но совершенно без мебели. Арестанты сидели на полу. Комната темная, два окошка, но решетки в мелкую клеточку. Злодеев человек пятнадцать. Ноги в кандалах, на руках цепи. Запах тяжелый, мужицкий.

Вася, не отходя от двери, опустил корзину на пол.

– Нам вставать не больно велят, – сказал один мужик. – Поближе поднеси.

Вася исполнил просьбу. Мужик, возле которого он остановился, был молодой, моложе, наверное, Павла.

– Ишь! – сказал мужик-мальчик. – Яблоки. Пирог большой. Как матушку твою зовут?

– Анна Гавриловна.

– Помолитесь об Анне. О здравии. А тебя как зовут?

– Вася.

– И за тебя помолимся.

Яблоки разобрали, пирог разделили. Вася взял пустую корзину.

– Я тоже за вас помолюсь.

– Э-эх! – сказал мужик-мальчик. – Никто нас теперь от каторги не отмолит, а Богу до нас дела нет.

Дверь отворилась.

– Малец! – позвал жандарм.

Вася взял корзину, выскочил за дверь. Жандармы что-то говорили, подтрунивая, но он не разобрал ни одного слова, бежал до дому без оглядки.

– Сделал подаяние? – спросила няня Пелагея.

– На них цепи да колоды, – сказал Вася.

– Заслужили. Злодеи.

– Они несчастные люди, – возразил батюшка Иоанн. – Их без земли оставили – все равно что без хлеба.

– О них можно молиться? – спросил Вася.

– О несчастных, о заблудших грех не молиться. А несчастных да заблудших нынче – вся Россия. Крестьянам плохо, помещикам плохо, и властям тоже не больно хорошо. Была Россия богатая, теперь нищенка.

Няня Пелагея поманила Васю в свою комнатку, дала большую дорогую свечу:

– Поди свечку за мужиков поставь!

Вася пришел в храм. Стоял, смотрел на иконы, кто из святых заступится за мужиков. Взгляд остановился на образе Чудотворца Николая. Пошел было, но увидел Иоанна Крестителя с головой на блюде. Свеча была одна. Поставил Иоанну Крестителю, мученику. Мужики ведь тоже мученики, в кандалах, в цепях. А Николая Чудотворца попросил:

– Спаси заблудших от гибели.

И вдруг вспомнил, что нынче у него день рождения – 19 января. 19-го поминают Макария Великого Египетского. День ангела, правда, 30-го, когда празднуют Собор вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста.

Иконы Макария в храме не было, Вася подошел к святителям. Бог наградил всех троих молитвенным даром. Иоанн Златоуст написал литургию, ее каждый день служат, и Василий Великий написал литургию. Литургию Василия служат десять раз в году, а Павел говорил, что в Византии она была основной, что для эфиопов, сирийцев, армян литургия Василия Великого поныне заглавная.

– Пошлите мне, чтоб я мог молиться о всех, – попросил Вася и призадумался: не дерзкое ли прошение?

Поцеловал икону, побежал спросить у няни, не погрешил ли своей просьбой. А все у стола. На столе пирог.

– С днем рождения, Василий Иоаннович! – сказал батюшка, торжественно целуя сына и, взявши за плечи, показывал матушке, няне, Ване: – Вырос. Сидел-сидел, как огурчик под листом, да и вытянулся. Большак! Большак! За книжки садись.

– Да его от книг за уши не оттащишь! – сказала матушка.

– Учебные пора читать книги. Нужные. Ну, за стол, за пироги. А сей мир, по заповеди преподобного Макария Египетского, – будет с нами во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Зима мелькнула как сон, весна – как вздох. Пришло жданное лето. Батюшка поймал карпа. Не пудового, но фунтов на десять. А нянюшке Пелагее приснился сон: наловила целый воз рыбы. К болезни.

И заболела. У няни была своя уютная комнатка: кровать, комод, икона Черниговской-Гефсиманской Божией Матери, где Царица Небесная в венце, в царской одежде.

Лежала няня с виноватым лицом.

– Ишь барыня! А вам за мной, за старой дурой, ходи! Кушанья подавай.

Анна Гавриловна не спорила, но ходила за болящей заботливо. Иоанн Тимофеевич пригласил доктора. Доктор выписал лекарства, но Пелагее день ото дня становилось хуже. Нос обострился, глаза то и дело закатывались.

В один из таких тяжелых дней матушка выпроводила Васю из няниной комнаты:

– Ступай погуляй. Нянюшке отдохнуть нужно.

Вася перед сном молился о Пелагее, просил у Господа здоровья. И теперь, выйдя из дому, он шептал и шептал без усталости: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!»

Ноги привели в храм. Служба давно закончилась, в храме прибиралась монашенка. Поповича она заметила, но окликать не стала.

Вася вышел на середину, под купол. Смотрел на евангелистов: на орла, на льва, на ангела и быка. Евангелисты высоко, а белый голубь¹ в куполе и впрямь как в небе сиял облачком.

В душе было покойно и радостно, вдруг увидел совсем небольшой, потемневший от времени образ какого-то святого. Попросил душою: «Помолись о Пелагее, о няне. Помоги ради Господа Иисуса Христа». Поцеловал икону и только потом попробовал разобрать надпись: «Преподобный Исаакий Затворник».

Вышел из храма, сел у стены, в тени. Задремал. Увидел веселый луг в золотых гвоздиках. Няню, а на руках у няни самого себя.

Пробудился. Вспомнил сон. И стало страшно идти домой. Но тотчас и пошел.

– Где ты был? – спросила матушка. – Няня-то у нас поднялась.

– Поднялась?! – удивился Вася.

– Да ведь упрямая. Поднялась, и все тут. Довольно, говорит, разлеживаться. Выздоровела.

Вася кинулся в комнатку няни, а она была уже у печи.

– Квас хочу поставить. Жаркие дни наступили. Окрошку будем хлебать.

Перед сном, молясь на ночь, Вася не удержал благодарных слез.

К нему пришла маменька:

– Ты чего плачешь?

– О нянюшке... Я молился, и Господь пожалел нас.

– Ах, Вася, ласковая душа! – Маменька погладила сына по голове, по личику. – Сам скоро нянькой будешь... Кого бы ты хотел, мальчика или девочку?

– И сестричка счастье, и братец счастье. Меня и Павел нянчил, и Ваня. Теперь мой черед.

Родился мальчик. Крестили в честь небесного архистратига Михаила, но ребенок был слабенький, одна хворь сменяла другую. А Вася в младшем брате души не чаял. Убаюкивал скорее маменьки.

Шел 1873 год.

¹ Белый голубь – символ Святого Духа. (Здесь и далее примеч. авт.)

Пророчество

Сено Иоанну Тимофеевичу косил богатый кулак. Всякий год шел торг, для Иоанна Тимофеевича неприятный, проигрышный. Кулак давал восемь – десять рублей деньгами и поставлял шесть возов сухого сена.

– Надувает он тебя! – говорила, сердясь, Анна Гавриловна.

– Матушка моя! – Иоанн Тимофеевич разводил руками. – Шесть возов нам на зиму хватает, а в барышах колокольное сословие от века не бывало.

Сено привозили на двор. Сеновал сами набивали. Иные возы приходилось досушивать.

Духмяный воздух роднил душу со всею природою. Васе все чудилось: что-то должно объявиться. Жданное с детства, это что-то было так всегда близко...

– Сегодня спим на сеновале, по-богатырски! – закончив работу, разрешил Иоанн Тимофеевич.

Сон с батюшкой на новом сене – радость. Можно раскинуть руки и ноги и впрямь представить себя богатырем.

– Ну вот вы и выросли, – говорил детям Иоанн Тимофеевич. – Павел и ростом меня догнал, и силой. Ваня тоже стал большак, в семинарию поедет, Вася, минет годок, в училище пойдет... Счастливым у нас Миша. Братская любовь – как благодатная сень, и от невзгод укроет, и от недобрых искусов убережет. Я на вас днем, когда сено укладывали, поглядел со стороны, порадовался: от доброго корня наш род. Высоко, правда, не залетали, а службу Богу и Отечеству несем честно. У кого счастье в деньгах, у кого в чинах. Мы семьей богаты.

Сильно мигнуло.

– Зарница? – спросил Ваня.

– Слышишь – рокошет? – возразил Павел. – Хорошо, что все убрали, гроза идет.

Слушали, как далеко, видно за озером, небесная телега гремит по камням незримой дороги.

– А я знаю, в каком году было Успение Богородицы. – Ваня затаился, предвкушая торжество.

– В пятнадцатом по Вознесении Господа, – скучно сказал Павел.

– А вот и нет. В сорок восьмом от Рождества Христова.

– Прибавь годы земной жизни Христа, вот и будет сорок восемь.

– Зачем прибавлять. Это был сорок восьмой год. И все.

– Теперь ты скажи, когда евреи принесли в жертву Яхве тысячу овнов?

Ваня молчал.

– В Библии частенько говорится о принесении жертвы. – Иоанн Тимофеевич про тысячу овнов тоже вспомнить никак не мог.

– Это произошло, когда царь Давид поручил сыну Соломону строить дом Господу. Вот тогда народ израильский доставил священникам на всесожжение тысячу тельцов, тысячу овнов и тысячу агнцев. Тогда как раз и воцарили Соломона на царство, а Садока во священника.

– Да-да-да! – вспомнил Иоанн Тимофеевич. – Меня уж так увлекали слова Давида о его богатствах, которые он дает на строительство дома Господа: три тысячи талантов золота офирского, семь тысяч талантов серебра чистого...

– А русский царь богатый? – спросил Вася.

– Деньгами – не знаю, а землями очень богат... Государь Александр Николаевич Шамяля побил и пленил. Теперь Кавказ русский от Черного моря до Каспийского. Граф Муравьев Уссурийский край присоединил. Устье Амура теперь тоже наше.

– Сообщали, что хивинский хан половину ханства уступил России, – подсказал Павел.

– А кем быть лучше, – спросил Ваня, – царем всея Руси или королем Великобритании?

– Русским, – сказал Вася. – Русского царя все любят.

– Не все, – возразил брату Павел. – Студенты царя не любят. Царь многих студентов из университетов исключил, а теперь не велит за границей учиться. Приказал всем в Россию ехать... А Каракозов...

– Не поминай злодея, не поминай! – рассердился Иоанн Тимофеевич. – Откуда у тебя такие разговоры, Павел? Если от приятелей – дунь и плюнь на них, как на сатану. Да и твой вопрос, Ваня, никчемная нелепица. Всякий народ любит и славит своего государя. Мы – русские, наш свет – император Александр Николаевич.

– Но почему свет?! – Павел даже хмыкнул. – В Швейцарии давным-давно нет монархии, а живут процветающе. И в Северной Америке – свобода.

Иоанн Тимофеевич задумался: ответить сыну властно – все равно что оттолкнуть.

В крошечном пруду в ложбинке сада тихохонько курлыкали лягушки.

– Любить царя – значит и царство любить, Родину, народ, живущий в этом царстве. Одна кровь – одна жизнь.

– Его величество у нас немец, – сказал Павел.

– Ох, Господи! – вздохнул Иоанн Тимофеевич. – Я и сам о том подумал... Ты, Паша, не путай меня, братьев меньших не путай... Одно скажу, ребята: царя не любят гордецы, а также те, кто чужим разумом живет, начитавшись преподлейших книжонок. Поляки царя не любят. Эти от зависти, Москвой когда-то владели. А больше всего ненавистен царь иудеям. Были народом избранным у Бога и своими собственными руками отдали Бога на крестную смерть... Хватит нам умничать. Святитель Тихон Задонский говаривал: «Дети всего того берегутся, чем отец их оскорбляется». Разглагольствовать приятно любовно. Вон как лягушки стройно выводят свою песенку. Существо уж совсем нелепое, а Творца хвалит. Какая трель! Слышите? От восторга этак возопила, не иначе. А теперь всем хором грянут...

Притихли, слушая курлыканье, и под эти курлы-курлы – заснули.

Иоанн Тимофеевич пробудился от шушуканья дождя, растормошил детей:

– Сон я, чадушки, видел. Приходила к изголовью моему матушка-покойница. Царство ей небесное. С собой позвала. Приготовься, говорит. А потом на вас указала: этот жизнь горюном проживет, этот отойдет ко Господу в молодости, а этот будет велик и у людей, и у Бога... А я лежу, мне не видно, на кого матушка указывает. Сел, чтобы получше расспросить. И проснулся. Сижу! Во сне сел. Вы спите, да так сладко, под дождичек... Кому из вас быть великим?

– Батюшка! – У Васи в глазах стояли слезы. – Батюшка, помолимся, чтоб Иисус Христос дал тебе многие лета.

– Помолимся о всех нас, о матушке, о Пелагее, о младенце Мишеньке.

– А про Мишеньку что-нибудь сказала? – спросил Павел.

– Нет... На вас указывала... Помолимся, дети. Сам-то я так думаю: у Господа Бога всякий человек велик, если живет он любя и не похваляясь даром любви, а главное, не судит. Знаешь ли, Павел, что говорит об осуждении других святитель Дмитрий Ростовский?.. «Бог, все сотворивший, Сам все да осудит, ты же себя смирай!»

– Батюшка! – сказал Вася. – Помолимся на коленях о твоём здравии.

Молились до сладких слез. Улыбались друг другу, чувствуя, что омылись молитвою, как водою из родника, радуясь родству и тому, что, слава Богу, живы и все вместе.

Ваня пошептал что-то Васе, взял его за руку, и они поклонились Павлу:

– Ты – старший, пусть ты будешь великим.

Учитель

Рождество было самым радостным праздником в большом доме Беллавиных. На Рождество из Пскова приезжали Павел и Ваня. Семья, дорожа редкими днями, когда все собирались под одной крышей, вечера проводила за столом. Матушка не жалела новой ослепительно-белой скатерти. Зажигали большую лампу. Выбирали книгу, читали вслух главку-другую и пускались в разговоры. Мишенькину люльку вешали на крюк, и он тоже был в кругу семьи. Слушал взрослых и лепетал свое.

Разговоров было много. Ваня и Павел рассказывали о семинарском житье-бытье, о преосвященном, в доме которого Павел бывал с племянником преосвященного, увлекались историческими беседами, экзаменовали друг друга.

Батюшка Иоанн любил озадачить старшего ученого сына вопросом из Ветхого Завета. С Павлом беда, оставляет семинарию. Собрался поступать в университет, на историко-филологический. В Петербург потянуло.

– Что такое есть возношение и потрясение пред Господом? – За отцовским вопросом надежда: может, передумаешь.

Павел морщил лоб, но не знал.

– Это не что иное, как приношение и посвящение жертвы Богу, когда жертвенные части потрясались пред Господом. Редко Библию открываешь. – Отец Иоанн брал святую книгу, зачитывал нужное место: – «И возьми от овна тук и курдюк, и тук, покрывающий внутренности, и сальник с печени, и обе почки и тук, который на них, правое плечо (потому что это овен вручения священства) и один круглый хлеб, одну лепешку на елее и один опреснок из корзины, которая пред Господом, и положи все это на руки Аарону и на руки сынам его, и принеси это, потрясая пред лицом Господа...» Ну а что такое тук?

– Жир. «Весь тук Господу». Иудеям потреблять жир воспрещалось.

– Верно. А что такое Воаз?

– Медный столб в храме Соломона. В переводе означает «сила»! – Павел ликовал. – Скажи и ты, батюшка... Вернее, назови святого родом из Торопца...

– Да у меня в храме икона этого святого. Инок. Затворник Киево-Печерского монастыря Исаакий. Великую имел схватку с бесами. Они было совсем его полонили – да Господь помог.

– И я про Исаакия знаю, – вставил словцо Ваня. – Его фамилия Черный, он из торопецких купцов. У Исаакия в келии печь прохудилась, в щели дым валил, огонь языки высывал, а преподобный встанет босыми ногами на щели и стоит, покуда печь не истопится.

– Матвей Матвеевич рассказывал? – хлопнул Павел брата по плечу. – Самый любимый учитель в Торопце... Батюшка, у меня тоже вопросы есть. Наши сутки начинаются с нуля часов, ночью, а когда начинаются сутки у евреев?

– А зачем мне про евреев знать?

– Ну а все-таки?.. Вопрос имеет отношение к Библии.

– Должно быть, с первого часа дня, с рассвета.

– С вечера. В Библии сказано: «И был вечер, и было утро». У евреев сутки начинаются с вечера, как было в первые сутки сотворенного Богом мира.

– Ладно. Твоя взяла... А вот что такое палестра?

– Гимнастическая школа. Первосвященник Иасон, угождая римлянам, устроил ее в Иерусалиме.

– Тебе, Павел, в рот палец не клади. Но теперь помолчи, пусть отвечают младшие.

– О патриархах спросишь? – догадался Вася.

– О патриархах. Дворянское сословие пусть князьям да царям счет ведет, а нам, колокольным, своих великих начальников тоже не грех знать. А ну-ка, Ваня, назови святейших.

Не сбиться в именах было мало. Иоанн Тимофеевич требовал помнить и о деяниях патриарших.

– Иоасаф Второй.

Ваня рапортовал:

– При святейшем был собор о старообрядцах. Все статьи о них при Иоасафе Втором были приняты.

– Питирим.

– Уж очень хотел удостоиться патриаршеского места, но в патриархах был десять месяцев. Умер. Ни худого, ни великого совершить не успел.

– Ну а тебе, Вася, такой вопрос. Какими словами начинается Евангелие от Иоанна?

– «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог!» – отвечал Вася и немножко завидовал братьям: им вопросы батюшка задает сложные. Они – ученые! Скорее бы девять лет исполнилось, скорее бы в духовное училище.

Ждал и дождался. Торжественный день все не наступал, не наступал да и пришел.

Матушка, няня Пелагея, сторож Мокей провозжали Васю до конца Спасского переулка. Дальше идти одному, дальше своя жизнь.

Город казался огромным. Миллионная улица, которую надо пересечь, бесконечно широкая. Подождал, пока проедет коляска, перешел, как батюшка наставлял, не бегом, покойным шагом, не глаза на дома и людей.

А хотелось знать: видит ли народ, что это не какой-нибудь мальчик без дела, без забот торчащий на улице, – это ученик приготовительного класса.

Здание духовного училища двухэтажное, огромное. Каменное! Окон сразу и не сосчитать.

Его обогнали старшеклассники, и он вместе с ними вошел под своды здания. Как звучит-то – здание! В воздухе запах книг и древности.

Первый в жизни урок. Высокая тяжелая дверь медленно распахивается. В черном проеме – учитель. Красивая волна темных волос над могучим лбом. Брови от переносицы далеко, глаза небольшие, карие. Учитель стоит в дверях и словно бы ждет чего-то.

Приготовишки, опамятававшись, грохая крышками парт, вскакивают.

Учитель медленно закрывает дверь, проходит к столу. Стоит долго, переводя приветливые глаза с лица на лицо. Наконец, чуть поклонившись, разрешает:

– Садитесь.

Снова грохают крышки, но через мгновение над классом повисает благоговейная тишина.

– Вот еще одно поколение пришло отвесть премудрости отцов. – Учитель говорит негромко, и класс перестает дышать. – Я верю: гранит науки снова не устоит перед умом молодых, но жить вы будете по-своему, невзирая на истины минувших времен. Совершите те же самые трагические ошибки, какие пришлось на долю родившихся раньше вас, познаете те же самые радости, а жизни проживете иные, пока что никому, кроме Бога, не ведомые... Зовут меня Матвей Матвеевич. Я буду преподавать вам азы церковной истории. Но сегодня в долгой вашей учебе день первый и урок первый – стало быть, весьма памятный. Что же вы должны знать прежде всего? – Учитель долго обводил класс серьезными внимательными глазами. – За океанами, за высокими горами, среди иных рас, в торжестве и в ничтожестве никогда не забывайте: вы – русские. Вы знаете, что вы – русские?

– Знаем, – ответили с первой парты.

– А есть ли такие, кто не знал, что он русский?

– Я не знал! – радостно закричал толстый кудрявый мальчик.

– Когда хочешь дать ответ – подними руку, – сказал учитель. – Может, ты не русский?

– Я русский, – возразил увалень. – Только я не знал.

– Как же ты о себе думал?

– А я не думал.

– Зато теперь будешь думать, ибо ты ученик духовного училища. Духовного!

«А я знал, что я русский? – с тревогой подумал Вася. – Нет, я знал».

– А что это такое – быть русским? – спросил учитель, и вдруг его медленные глаза остановились на Васе. – Встань. Подумай. Ответь.

Вася вспыхнул, но встал, опустил глаза и тотчас поднял:

– Быть русским – быть православным.

– Ответ замечательный! Садись. Как фамилия?

– Беллавин.

– Садись, Беллавин. Отлично. А теперь послушайте, что я скажу. Православная Россия. Два слова, но они едины. Их соединили жизнь и вера пращуров... Милые вы мои отроки, Россия одна несет на себе Крест Христа. И ради себя, и ради спасения всего мира! Но чтобы спастись и спасти мир, нужно пройти через... что? – Учитель вопрошающе поднял брови.

– Через Голгофу, – сказал увалень.

– Через Голгофу, – повторил учитель. – А чем оборачивается это несение креста для нас, для каждого русского человека? Да тем, что все грехи, творимые суетным миром, мы взваливаем на себя. Мы, русские, ответчики за правду перед Богом. Видели Млечный Путь на небесах? Россия – не царство, не империя, Россия – путь через земное бытие. Знайте, отроки: то, что вы родились в России, родились русскими – не только судьба, но и великая милость Господа. Се – пролог. А теперь помянем русских князей и государей. Начнем с Рюрика. Рассказывать будете вы, а я слушать: велик ли багаж знаний, принесенный вами в духовное училище?

Князей и государей назвали.

– А кто знает всех патриархов? – спросил Матвей Матвеевич.

Класс притих.

– Да что же вы своих не знаете, чай, духовное сословие!

Руку поднял Вася.

– Говори, Беллавин.

– Первый патриарх Иов, второй – Гермоген. Его поляки и бояре голодом уморили. Третий – Филарет, отец царя Михаила. Четвертый – Иоасаф Первый, пятый – Иосиф, шестой – Никон, при нем был раскол, седьмой – Иоасаф Второй, восьмой – Питирим, девятый – Иоаким, десятый, последний, – Адриан. Был еще патриарх Игнатий, но его навеки исключили из числа святейших.

– Еще раз отлично, Беллавин. Но, думаю, ты напрасно назвал Адриана последним патриархом. Мы ведь не ведаем, что ожидает в будущем Россию. Мы только веруем и жаждем, чтобы это будущее было лучшим, светоносным, великим. Вот сидите вы передо мной – еще один приготовительный класс нашего Торопецкого духовного училища. Но кто вы? Что будете значить для милого нашего Торопца, для всея Руси, для мира?

– Ха! – сказал увалень. – Для мира!

– А вот и не «ха»! – рассердился Матвей Матвеевич. – Именем нашего земляка адмирала Рикорда назван мыс на острове Итуруп в заливе Петра Великого да еще пролив на Курилах между островами Кунашир и Кета. Домашнее вам задание: найдите на карте и мыс, и пролив. Из нашего Торопца вышел академик. Художник Василий Раев. Его мозаики в Исаакиевском соборе Санкт-Петербурга... Есть у нас и на небесах дивный заступник, святой преподобный... Кто даст ответ?

Учитель смотрел так ласково, слушать его так интересно, что все уже его любят и готовы сделать ему приятное. Поднялась рука.

– Как твоя фамилия?

– Лучанинов.

– Говори. Мы слушаем.

Но мальчик молчал: он всею душою стремился обрадовать Матвея Матвеевича, но святого не знал.

– Садись, послушай, что другие скажут.

Назвали имя Александра Невского. Матвей Матвеевич согласился, князь имеет отношение к городу, коли венчался здесь, но есть среди святых отцов исконный торопецкий житель.

Перед глазами Васи домашний вечер, разговор отца со старшими братьями.

– Беллавин! Ты можешь назвать имя святого?

– Могу... Затворник преподобный Исаакий. Он спасался в пещерах Киево-Печерского монастыря. В Спасо-Преображенском храме есть его икона.

– Лучанинов, теперь ты знаешь своего небесного заступника? А кстати, не слыхал ли ты об Иване Васильевиче Лучанинове, живописце?

Мальчик мотнул головой.

– А ты спроси у папеньки, у маменьки. Фамилия не очень распространенная. Хороший был художник. Есть у него картина «Иван Грозный под Казанью». А его жанр «Рекрут, прощающийся со своим семейством» о войне 1812 года когда-то принес Ивану Васильевичу славу. Рисовать любишь?

Лучанинов радостно расцвел:

– Я лошадку как живую нарисовал.

– Ну вот видишь! Наверняка родственник. Помните, драгоценные мои! Из птенцов вырастают орлы. Пройдет совсем немного лет, и Россия будет такой, какими будете вы. Так что не давайте себе пощады, учитесь с великим прилежанием: тогда и мир переменится к лучшему, ибо Господь Бог за труды награждает, а за лень – наказывает.

Человек империи

Программа духовного училища готовила питомцев к жизни, к священнодействию, к восприятию сложных богословских и светских наук. Письмо, арифметика, русская грамматика, катехизис, Священная история – основа основ. Учили языкам: старославянскому, латинскому, греческому. Церковное пение – для возвращения душевной красоты и для будущей службы, и сугубо для службы – церковный устав.

Всякий урок был для Васи жданным. Как хозяин копилки радуется каждой новой денежке, так Вася замирал сердцем перед очередным уроком: что еще откроется ему из сокровенного мира науки?

Не стремясь верховодить, опережать товарищей, скоро стал Василий Беллавин первым учеником. Он не задавал преподавателям трудных вопросов, чтоб показать свою ученость; быстро решив трудную задачу, не спешил сдать тетрадь раньше других. Для класса он стал палочкой-выручалочкой.

Учиться было интересно, а жить радостно.

Россия присоединила к своей великой земле Кокандское ханство, подчинило Хиву и Бухару. Война с Англией могла вспыхнуть в любой день и час. Война была желанной: пора смыть позор Крымской кампании, пора избавить загадочную Индию от плена англичан. Индия уже совсем близко. Туркменские воинственные племена покорены, Персия избавилась от грабительских набегов и стала верной союзницей России.

Закачался трон под турецким султаном. У Васи начались уже каникулы, когда для всех русских стали знакомыми, тревожными слова Герцеговина и Босния... Турецкие паши сбор податей превратили в безнаказанный грабеж. Южные славяне восстали, надеясь, что русские помогут. Но Россия была связана по рукам по ногам Парижским договором. Военную акцию можно было предпринять только с согласия Англии, Австрии, Франции и только совместно. А действовать совместно было невозможно. Англия, ради ослабления России, поддерживала турок. Султан Абдула Азис, опасаясь обратить на себя гнев Европы, действовал с большой осторожностью. Осторожность и разумность для горячих голов всегда представляется нерешительностью. Исламские фанатики возроптали на султана. В Салониках произошел бунт: убили двух консулов, германского и французского. Пользуясь слабостью стамбульской власти, болгарские националисты призвали народ к восстанию. Начались погромы в турецких кварталах. Тогда Абдула Азис послал в Болгарию башибузуков. Башибузуки напали на христианские поселения болгар, как волки на овец. Резали старых и малых, заливая кровью целые округа.

Сербия и Черногория объявили Турции войну. Воевать за славянское дело из России отправились тысячи добровольцев. Их отряды возглавил генерал Черняев, бравший штурмом Ташкент.

В Торопце тоже любили болгар, сербов, черногорцев. Собирали пожертвования, провожали на священную войну своих храбрецов. Дети играли в Черняева, но турки разбили сербское войско, и жизнь сразу поскуцнела.

А лето было хорошее.

В гости к Иоанну Тимофеевичу приехал старший брат, отец Григорий.

Некогда служил Григорий Тимофеевич в Успенской церкви села Сопки Торопецкого уезда. Сопки были родиной Иоанна.

С родовым гнездовьем в Борках расстался Тимофей Терентьевич еще в 1814 году, сразу после войны с французом.

Приход в Борках кормил, но и только. Сто тридцать четыре двора, прихожан чуть поболее тысячи. Из помещиков – моряки Лавровы, знатные дворяне Великопольские и Кушелевы, Болотниковы, Челищевы...

Успенская церковь была вместительней Троицкой, борковской, приход тоже побогаче, но Григорий не захотел ждать, когда освободится для него место. Закончив Великолукское духовное училище, пошел в пономари в беднейший приход. Бессребреник, имел он от Бога дар – красивый, светоносный голос. Епархиальные власти вскоре перевели пономаря во Псков, определили в Променскую церковь, посветили во диакона. Здесь тоже не задержался. Архиепископ Мефодий забрал голосистого диакона в архиерейский хор. Быть на глазах у владыки – участь завидная. Любимцев архиереи ставили на очень хорошие места. Но Григорий ушел из хора своей волей. В 1831 году умер Тимофей Терентьевич. Матушка Екатерина Антоновна осталась «на собственном пропитании», имея на руках десятилетнего Ивана – ученика первого класса Великолукского приходского училища, засидевшуюся в девках Настасью двадцати семи лет и пятнадцатилетнюю Параскеву.

Чтобы получить отцовское место, Григорий без размышления женился на дочери Мартина Петровича Черноусова, диакона сопковской церкви, спас семью.

Старшего брата Иоанн Тимофеевич не знал куда посадить, чем еще только попотчевать.

– Ваня, да посиди же ты спокойно! – говорил Григорий Тимофеевич, светясь синими глазами. – Что меня угощать – не архиерей.

– Для Иоанна Тимофеевича вы больше чем архиерей, – возразила Анна Гавриловна, – каждый Божий день о вашем здравии молится.

– Здравие мое по летам! – признался глава рода Беллавиных. – Семьдесят стукнуло! Сорок четыре года в священном сане... Ты помнишь, Ваня, когда меня рукополагали?

– Восьмого марта.

– Вот именно! И батюшка наш, незабвенный Тимофей Терентьевич, рукоположен во священника тоже восьмого марта.

– То тебе от батюшки с небес благословение, – сказал младший брат. – Такого радетеля семьи, как ты, редко и на просторах России встретишь.

– Да будет тебе! Нашел подвижника!

– А разве не подвиг?! Матушку, Екатерину Антоновну, взял на содержание – это должное, а с ней – меня, Настасью, Прасковью... Прасковья вышла замуж в Велиж, устроила, кажется, судьбу – на тебе! – овдовела. С младенцем на руках куда податься? А к брату. Брат примет. И принял, обогрел. А тут вторая сестрица, Настасья, с мужем, с двумя детишками явилась: спасай, Гриша, муж место потерял! И всех ты кормил, поил...

– Не больно долго Настасья нахлебничала... Архиерей согласился дать нашей церкви сверхштатного диакона. Помещик-благодетель Никита Григорьевич Алексеев на себя расходы взял.

– А Ольга – двоюродная сестрица? С мачехой не ужилась – тоже под твое теплое крылышко. Ладно бы своего семейства не было: супруга, сын, дочь... Терпеливая у тебя Татьяна Мартиновна.

Григорий Тимофеевич улыбался:

– Тесновато – бывало, а голодно – нет. Кормил нас Господь, как птиц небесных. И Татьяне, матушке, спасибо: ни единого попрека от нее не слышал... Со стороны их семейства тоже ведь и вдовы имелись, и детей надо было учить...

– Татьяна Мартиновна, можно сказать, спасла тебя от тещиноного извета...

– Месяц исправляли нравственность черными работами в монастыре... Грех молодости. Татьяне Мартиновне до гробовой доски благодарен. Она спасла семейство. Претерпела, но спасла.

Было дело. Закружилась голова у батюшки. Дворовая девка Татьяна Арсеньева в соблазн ввела. Семейство ее было бабье, вдовье: мать вдова, старшая сестра вдова и еще трое девиц – тронули сердце, помочь пытался и был настигнут дивными взорами любящего юного сердца...

Сопки Григорий Тимофеевич давно покинул, жил в имении богатого помещика. Как только его сын Иван закончил Псковскую семинарию, ушел за штат, уступил свое хлебное место молодому. В домовый церкви служил. Впрочем, жалованье добрый помещик положил ему хорошее – сто двадцать рублей в год. Штатные священники ста рублям были рады.

– Молодые за места не держатся, – не скрыл огорчения Григорий Тимофеевич.

Это относилось к сыну Ивану, тоже покинувшему Сопки.

– Ты Мусоргских знал? – спросил Иоанн.

– Знал.

– Модест Петрович в композиторы вышел. Его оперу «Борис Годунов» в прошлом году на Мариинской сцене поставили.

– Матушку Модеста Петровича, рабу Юлию, мой Иван хоронил.

– Глухой край, а нет-нет кто-то из наших вдруг и сверкнет звездой.

– Ты про себя скажи, не жалеешь, что из Клина уехал? Ведь под твоим благочинием четырнадцать церквей было, три тысячи прихожан!

– Клинский приход не больно велик. Когда переезжал, было сто двадцать три двора, жителей мужского полу – четыреста семьдесят семь человек, женского – четыреста восемьдесят восемь. Из помещиков – ну, конечно, Голенищевы-Кутузовы, Тулубеевы, Юреневы. Юреневы Воскресенскую церковь-то воздвигли. Помещик Иван Данилович – в 1733 году, а его внук, поручик Александр Алексеевич, пристроил холодный придел во имя святителя Николая Угодника.

– А сколько теперь у тебя прихожан?

– Церквей, конечно, не четырнадцать, одна, и людей в приходе меньше, чем в Клину, – вздохнул Иоанн Тимофеевич. – Из купечества, однако, есть прихожане. И сам видишь: дом хороший, усадьба нетесная. Васе ходить учиться через дорогу. Мишенька тоже... Сегодня мал, да не успеешь обернуться, и ему придет пора науки ведать.

– Я благодарю Господа, брат, ежедневно и еженощно: послано нам с тобою священство, как батюшке Тимофею Терентьевичу, царство ему небесное. Бог даст, и дети удостоятся сана. Прадеды – диаконы, отцы и дети – священники, а внучатам в протоиереях ходить... По логике.

– О преемстве что же не мечтаешь?

– Преосвященные – монахи. Монахам, будь они митрополитами, я никогда не завидовал... Ты вот смеешься, а я потому горжусь нашим сословием, что всех нас ожидают великие времена, великие деяния. Чувствую – православие одолеет ложь католиков и станет первой религией мира... В Средней Азии Россия стоит ныне твердой ногой... Верю, болгары скоро освободятся из-под басурманского гнета...

– А зачем православию быть первым?.. Да и как ты себе это представляешь? В Индии, в Китае, где живут сотни миллионов людей, – индуизм, буддизм, мусульманство. Все прочие азиатские страны – суннитские или шиитские. Южная Америка – католическая. В Европе – католики, протестанты, в Африке – чего-чего только нет. Там близкая православию – Абиссиния, но зато множество стран мусульманских, языческих, а то и сатанинских. Пусть православие будет Россией, а Россия – православием. Так крепче.

– Православные люди, отец Иван, между прочим, живут и на Аляске, и в самих Северных Штатах. Россия – империя. Ее флаг когда-нибудь будет реять на всех земных материках.

– Господи, никогда не знал, что в тебе живет Александр Македонский пополам с Чингисханом! – Иоанн Тимофеевич окликнул Васю, сидевшего возле окна над толстой церковной книгой, подарком Григория Тимофеевича. – А ну-ка, сын, скажи нам: ты бы хотел, чтобы православие победило все религии мира?

Вася вспыхнул, отложил книгу.

– Смелее, смелее! – ободрил Григорий Тимофеевич. – У нас беседа семейная – не экзамен.

– Хотел бы, – сказал Вася. Он опустил голову, и его щеки запылали еще ярче. – Но это невозможно.

– Да отчего же, если сила есть?! – воскликнул Григорий Тимофеевич.

Вася поднял глаза – два синих оконца.

– От веры не отрекаются. Римские цезари покорили мир, но не смогли перебороть христиан.

Григорий Тимофеевич рассмеялся:

– Ученик Матвея Матвеевича! И все-таки, господа, очень даже приятно чувствовать себя частицей империи, человеком империи.

– По мне, так радость невелика. Православных болгар грабят, убивают, а мы только охаем да ахаем.

– Государь нерешителен.

– А решишься, придется воевать с Англией, с Австрией и уж потом только с Турцией.

– Давно бы пора наломать хвост всей вражьей силе. Вася! – обратился к племяннику Григорий Тимофеевич. – Неужели тебе интересно читать эту старую Псалтырь?

– Да ведь она при патриархе Иосифе напечатана. При царе Михаиле... Сколько людей ее читало до нас.

– Вот именно! – сказал Григорий Тимофеевич. – Добрые книги долго людям служат... А тебе мой наказ: ты нет-нет да и вспоминай, что Василий Иванович Беллавин не просто ученик духовного училища, торопецкий житель, а человек империи. Российской империи.

Свет

Преображение. Престольный праздник.

В храме пахнет свежим бельем и осенью. Люди все в новом, в лучшем, и всюду цветы, перед каждой иконой цветы.

Вася следит за солнечным лучом. С утра моросило, и на утрени по храму гуляла дождевая неуютная свежесть.

Пономарь Федул Васильевич, созывая народ на обедню, отзвонил праздник с такою радостью, что беспросветная непогода вытянулась серыми косяками и понесла эти косяки за горизонт.

Луч, проникший в храм, был несильный, серебряный, но сердце у Васи радостно встрепенулось: Преображение – Свет. И в это время отец диакон возгласил:

– Благослови, владыка.

Батюшка трепещущим от волнения, родным, но преображенным сугубою ответственностью голосом ответил:

– Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков.

– Аминь, – пропел хор, и храм наполнился светом.

Как жар, сияло золото иконостаса, сияли облачения духовенства, свет взыграл на одеждах прихожан.

Вася поднял руку для крестного знамения и увидел: в руке у него тоже свет.

Чудо было простое: солнце одолело тучи, но ведь ко времени. Душа ликовала.

Когда пели: «Господи, пошли свет Твой и истину Твою», слезы полились из глаз, и Вася наклонил голову, чтоб люди не увидели его лица. Ведь спрашивать станут: не болит ли головка?

Украдкой отерев рукавом лицо, Вася закрыл глаза и только слушал: хоры ангельские, у батюшки в голосе счастливая простота и любовь, не глядя понятно: света в мире прибыло.

В Евангелии много стихов, заставляющих сердце биться и замирать. О Преображении Господнем Вася перечитывал Матфея множество раз: «По прошествии дней шести взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних и преобразился перед ними: и просияло лицо Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет...» Вышло, что Иисус стал Светом, с Ним беседовали пророки Моисей и Илия. Простодушный Петр сказал: «Господи! Хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илию».

Сердце у Васи всегда ликовало при чтении этих стихов, душа звала на Фавор. Хоть бы травинкою там быть, камешком!

– «Величай, душе моя, на Фаворе преобразившегося Господа», – пели хоры и молящиеся, и Вася пел, величая Божественное чудо каждой крохой своей плоти и своего духа.

Выходя из церкви, подал копеечку, единственную у него, старенькой бабушке. Рядом с нею на последнем порожке паперти сидел странник. Вася посмотрел на него виновато, подать было нечего, но странник улыбнулся:

– Ради праздника Господь небо подмел. Ишь как сияет!

Небо было чистым на удивление. После такой-то непогоды.

Вася стоял пораженный.

К нему подбежала орава его одноклассников. Раскачивая на веревке большую железную коробку, дурашливо запели:

– Вашему святейшеству многие лета!

Принялись «кадить» на Васю. Обдали облаком пепла.

– Многие лета! Многие лета!

– У нас нет патриархов! – сказал Вася, не зная, что ему делать.

– Не было, так будет! Многие лета! Вашему святейшеству ис полля́ эти дэспота!
И хохотали, опустошая свое «кадило».

Новая праздничная рубашка стала серой, бархатные черные штаны – наоборот, побелели.

– А ну! – Странник замахнулся на озорников клюкою.

Ребята кинулись наутек. Вася посмотрел на себя, и лицо у него стало грустным, как у взрослого: не беда, что платье испачкано – праздник испорчен.

– Давай я тебя отряхну, – сказал странник. – Ничего страшного – зола отстирается. Еще и выбелит рубаху. Щелок. Чего притих? Дело совершилось худое – да слова сказаны золотые... Нам бы и впрямь патриарха. Ведь избаловались. И архиереи, и монахи, и батюшки... И народ! Ни страха нет, ни совести. Вот что Петр Великий наделал. Сам бесился и народ с панталыку сбил.

Странник достал из сумки белый пышный калач. Разломил:

– Держи-ка!

Вася взял.

– Ешь. А запьем хлебушек водицей. Не простой. Из святого сильного ключа. Ты водицы испей, а сам доброе задумай. Исполнится.

Калач был вкусный, Вася вдруг почувствовал голод. Странник улыбался:

– Жизнь на Руси, может, и горькая, а хлебушек сладок. Наши бабы в тесто примешивают свое сердце.

Отпил Вася и воды глоточек.

– Задумал? – спросил странник.

– Задумал.

– Ну а что задумал-то?

– На горе Фаворе побывать.

Странник широко перекрестился:

– Высоко берешь, отроче! Да будет тебе сам Иисус Христос сладчайший – и водителем, и крепостью.

Из церкви вышел Ваня. Увидел брата, удивился:

– Где ты так изгваздался? Пошли скорее к няне, она что-нибудь придумает.

Вася поклонился страннику, поспешил за братом, но обернулся, поднял глаза на крест храма. Небо – океаном, крест казался тоненьким, одиноким.

Увлечение торопчан

7 апреля 1877 года император Александр II выехал в Кишинев, где собиралась наступательная армия России, а 12 апреля объявил Турции войну.

Страна молилась за своих сынов. Был торжественный молебен и в Торопце. Хор духовного училища исполнил «Боже, царя храни!» – молитву русского народа.

Грозно прозвучали слова: «Царствуй на страх врагам» – и с особой мощью: «Перводержавную Русь православную, Боже, храни!»

Война началась победами. 18 апреля главнокомандующий на Азиатском театре военных действий великий князь Михаил Николаевич, наместник кавказский, получил без боя ключи от турецкой крепости Баязет, взял укрепленный город Ардаган и осадил Карс.

А жизнь шла себе. Двенадцатилетний Василий Беллавин закончил с отличием очередной год учебы. Уже в самом конце занятий, перед каникулами, произошло несчастье: запил Матвей Матвеевич.

Он пришел в класс мрачный, чему-то все время усмехался. Не здороваясь, как обычно, открыл книгу, положил на первую парту, сказал ядовито, кривя рот от неведомой обиды:

– Пора бы, кажется, понимать, что такое учитель и что такое ученики! Читай вслух.

Ученик прочитал:

– «Обучающиеся искусствам и наукам учатся этому у учителей. И христиане, обучающиеся искусству христианской жизни, призваны учиться у Христа».

– Дубинушка! Кого читаешь, объяви, ведь написано крупными буквами.

– Слово святителя Тихона Задонского «Учитель и ученики».

– То-то. Читай.

Сел на стул, задремал, и вдруг будто его толкнули.

– Что мямлишь? Это важное место. «Зеркалом твоим для души да будет Евангелие». Зер-ка-лом!

Снова впал в дрему, улыбка расплзлась по мокрым губам. Поднял палец, погрозил:

– Я же сказал: не тарабань. Этот текст нужно пить как святую воду. – Повернул книгу к себе и прочитал шепотом, размазывая по лицу слезы: – «Сам рассуди, что тяжелее, что легче: мстить или простить; гневаться или иметь мир душевный; ненавидеть или любить; в гордости или в смирении жить; богатства и славы искать или терпеливым быть?!» Слова святого человека, но что нам святость, любовь, смирение? Ради славы – подличают, ради богатств – убивают. Внемлите! И сообразительные, и олухи царя небесного. «Сама совесть убеждает нас признать, что гораздо легче простить, нежели мстить; быть кротким, нежели гневаться... Не радеть о земном, а помышлять о Горнем. Мечь требует немалых усилий, а простить не составляет труда...» Разве это не истина? «Любить – легко, ненавидеть – тяжело и горько».

Матвей Матвеевич положил голову на книгу и лежал этак минут пять. Класс сидел тихо. Ни смешков, ни разговоров.

– Ладно, – сказал учитель, тяжело поднимая голову от стола. – Дальше мысль подкрепляется примерами, мы примеры опустим, а это – очень важно. «Терпеливая душа всегда находится в покое и тишине, нетерпеливая же всегда имеет беспокойство и мятеж. О! Если бы возможно тебе было увидеть сердце того, кто носит Христово иго: увидел бы ты в нем Рай радости и сладость Царствия Божия. Бедная душа моя!»

Матвей Матвеевич заплакал, бросился вон из класса, но у дверей остановился:

– Мне туда нельзя. Я посижу с вами. Не ругайтесь! Не ругайтесь на учителя! Тихохонько посижу. Читайте дальше. Доброе писанище. Душеспасительное.

Запойно пил учитель латыни, являлся пьяненьким на спевки регент хора, но, глядя на Матвея Матвеевича, ученикам было жалко самих себя, белый свет становился не мил.

Почему пагуба избирает дорогих, нужных многим людей? Почему этих чудесных, добрейших, мудрых оставляет один на один с недугом? Кто оставляет? Кто их должен беречь?

Вопросов было много, и Вася Беллавин не знал на них ответа. Спрашивать отца о недуге любимого учителя было стыдно и невозможно – все равно что судить взрослого человека, судить наставника. Поговорить бы с братьями, но они далеко.

Каникулы начинались печально. Молился о Матвее Матвеевиче.

Школьные горести притуманились, а развеяли их громкие победы на войне. Батюшка Иоанн Тимофеевич подписался на телеграммы с театра войны. Телеграммы поступали ежедневно. В ночь на 15 июня армия под командованием великого князя Николая Николаевича переправилась через Дунай. Телеграммы славили 18-ю пехотную дивизию, бравшую Гарбинские высоты.

О войне говорили много, Вася читал подшивки любимого журнала «Задушевное слово», романы Фенимора Купера... И вдруг нечаянно для себя увлекся театром.

Любовь к театру у жителей Торопца наследственная. Купцы, еще со времен Великого Новгорода торговавшие в Неметчине, в Голландии, в Датском королевстве, завезли в свои родные пенаты «камедь тенями и куклами». В царствия Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины Великой пошло увлечение разыгрыванием пьес. Представления устраивали мещане и стоявшие в Торопце солдаты. Зрелища эти были балаганные, песни и шутки исполнялись в них крепко соленые. Появились театры и в порядочных домах. Здесь спектакли соответствовали времени. Пасторали уступили место комедиям Фонвизина, потом пошла героика, увлечение историческими драмами, явилась эпоха Грибоедова и Гоголя, лермонтовского «Маскарада», веселых водевилей.

В театр Васю затащил брат Ваня, он дружил с сыном настоятеля Корсунско-Богородицкого собора. На каникулах молодежь решила сыграть спектакль, составленный из стихов Пушкина. Участников спектакля было шестеро. Каждый читал по пять стихотворений. Юношеский голос сменялся девическим. Стихи были выбраны свободолюбивые.

Вася попал в пару с русоголовой кареглазой Ольгой. Губы у нее складывались розовым бутонем, голос вибрировал, замирал в конце фразы.

Овидий, я живу близ тихих берегов... –

читала Ольга печально, выразительно произнося слова, властвуя над вниманием неожиданными, трогаящими сердце паузами.

Рожденные в снегах для ужасов войны,
Там хладной Скифии свирепые сыны...

Музыка стихов вела, слушатели, затаив дыхание, следовали за своим водителем. Ответ на эту длинную исповедь у Васи был совсем коротенький, простецкий:

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Вася вздохнул, радуясь за птичку и тому, что не охрип, не позабыл слова.

Я стал доступен утешенью:
За что на Бога мне роптать,

Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

Вася просиял, и слушатели тоже просияли, дружно захлопали в ладоши.

Кто, волны, вас остановил.
Кто оковал ваш бег могучий, –

восторженно читала Ольга в свой черед.

Завидую тебе, питомец моря смелый... –

отвечал Вася серьезно и спокойно, ему было приятно, что он осмелел.

И вновь тебя зовут заманчивые волны.
Дай руку – в нас сердца единой страстью полны.

Вспыхнул, сообразив, что в этих строках двусмысленность. Но публика не смеялась, и чтец успокоился.

Последнее стихотворение у Ольги было «Пророк». Она читала его звенящим шепотом, а Вася отвечал ей уж так по-домашнему, с такой застенчивостью – подавленный блестящим чтением напарницы, да и стихи, доставшиеся ему на завершение, опять-таки были немудрены.

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!

Подруга дышала юностью, слушатели засмеялись, и Вася тоже улыбался, взглядывая на Ольгу.

Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.

Спектакль всем очень понравился, а Ольга подошла к Васе и, как-то странно раскрывая глаза, сказала ему своим вибрирующим, угасающим в конце фразы голоском:

- Вы меня поразили чтением!
- Да почему же? – удивился Вася.
- У вас все так просто, так потрясающе ясно. Вы отдергиваете полог тайны.
- Какой? – изумился Вася. – Нет, я читал, и все.
- Вы милый, милый! Какая жалость: завтра мы с тетей уезжаем.

Ольга несколько раз приснилась Васе. Он поскучнел, вести с войны тоже были нерадостными. Сообщили, наконец, о неудаче войск великого князя Михаила в Турции. Под Зевинном наступление русских было остановлено, пришлось отступить от Карса. Армия великого князя Николая дважды неудачно ходила на приступ Плевны. Второй штурм закончился большими потерями – семь с половиной тысяч убитых и раненых. А потом уже пришлось не нападать – защищаться из последних сил. В самом конце августа генерал Скобелев отбил за один день пять сумасшедших атак безудержно храбрых турок. На поле боя осталось три тысячи убитых русских солдат, десять тысяч получили ранения. Скобелев тоже отступил.

Колокола в Торопце звенели погребально, молились о павших...

Жизнь в миру

Семинария

Закончил духовное училище Василий Беллавин первым учеником в 1878 году.

Время было счастливое для России. Гремели имена генералов Гурко, Скобелева, Радецкого, Карцова. Турецкая армия была разбита и пленена у Казанлыка, возле знаменитой Шипки.

Все знали Долину роз, Плевну, Осман-пашу, Адрианополь... Православная Болгария освобождалась от векового рабства, Турция училась жить, обходясь пределами своей земли.

Радость прибавляла сил, а силы были нужны, отдых получился у Василия коротким. Пора было ехать во Псков, в семинарию.

Начиналась самостоятельная жизнь. Семинаристу шел четырнадцатый год.

Псков – город большой, древний. Сохранилась крепость, знавшая множество осад. В Троицком соборе высокочтимым праздником был день поминовения равноапостольной Ольги, великой княгини российской.

В городе множество храмов, расписанных дивными мастерами в незапамятные времена, но, чтобы осмотреть их, помолиться святым иконам, у семинаристов оставалось одно только воскресенье.

Выход из семинарии разрешался после обеда, в двенадцать часов дня. К шести часам вечера нужно было вернуться и поставить роспись в книге дежурного. Распорядок дня отличался суровостью.

Поднимали семинаристов по звонку в половине шестого утра. В шесть шли на общую молитву. Потом пили чай с пеклеванным хлебом. Занятия начинались в девять часов, но за двадцать минут до звонка по классам шло обязательное чтение Библии. Святое Писание читалось учениками по очереди от главы к главе.

Слушателей находилось не много, готовились к урокам. Уроки были долгими – один час пятнадцать минут. В два часа дня изголодавшиеся семинаристы обедали. Еда – щи да каша. По средам и пятницам – уха, в посты – гороховая похлебка. По воскресеньям, ради праздника, каша заменялась котлетами и каждый получал по французской булке. До чая в четыре часа дня время было свободное. Одни семинаристы слонялись по коридорам, а проворные забирались тайком в спальни и дрыхли. После чая все выходили во двор – дышать воздухом. С шести до девяти учили уроки. В девять ужинали, в десять молились всей семинарией в присутствии инспектора, потом классы замыкались и воспитанники шли спать.

Жизнь была расписана на шесть лет, на всю юность. Для иных существование в вечных шорах порядка и надзора казалось невыносимым. Протест выливался в потаенное пьянство, в тупое бездельничанье.

Вот что пишет митрополит Евлогий, который был моложе патриарха Тихона на три года, о духовном училище в Белеве: «В приготовительном классе учитель наш был талантлив и имел на нас хорошее влияние, потом он спился. Учитель греческого языка страдал алкоголизмом. Пили и другие...» А вот о жизни семинаристов: «Попойки, к сожалению, были явлением довольно распространенным... Вино губило многих. Сколько опустилось, спилось, потеряв из-за пагубной этой страсти охоту и способность учиться».

«Начальство было не хорошее и не плохое, просто оно было далеко от нас. Мы были сами по себе, оно тоже само по себе... Ректор семинарии, важный, заслуженный, маститый протоиерей... по-видимому, нас презирал. Когда впоследствии, уже будучи назначен инспектором Владимирской семинарии, я зашел к нему проститься и просил дать наставление, он сказал: «Семинаристы – это сволочь...». «...Жизнь была серенькая. Из казенной учебы ничего возвы-

шающего душу семинаристы не выносили... Из 15 человек, окончивших курс Белевского училища, до 6-го класса семинарии дошло только три ученика».

Вот так готовила Церковь будущих духовников народа. Так заботилось государство о сословии, почитавшемся опорой престола.

«О выпивках и прочих похождениях» в семинарии пишет и митрополит Григорий (Чуков), а вот что касается неверия, то семинарский сей недуг процветал в начале XX века. В более ранний период «проблема» возникала там, где учащиеся попадали под опеку святош, под давящую пустоглазую казенщины.

Владыка Григорий о годах, проведенных в семинарии, так писал: «Я не упомяну ни одного случая среди товарищей, когда у нас поднялся какой-либо разговор о религии и религиозном не только в отрицательном духе, но просто в шутовском тоне. Таково было общее настроение в этом направлении в мое время. И это я объясняю в значительной доле тем, что наше семинарское начальство было далеко от ханжества, не заставляло нас “отстаивать” четырех- или пятичасовых служб до полного изнеможения и считалось с юношеской натурой, словом, соблюдало в этом отношении благоразумную меру. Лишь только сменился ректор протоиерей и явились ректор и инспектор монахи... положение изменилось. Молодые, только что начинающие свою учебную службу, думающие о скорейшей архиерейской карьере, они садились на своего любимого и модного конька – церковность и, чтобы чем-нибудь выставиться перед начальством, уродовали юношескую психику, вытравляя здоровое религиозное чувство неумеренными экспериментами над ним и показной религиозностью. Большое это было зло».

Получается, что религиозное настроение семинаристов зависело от мудрости ректора и инспектора. Поэтому про «общее настроение» говорить не приходится. Жизнь взаперти, под неусыпным оком карьеристов, фанатиков или просто равнодушных чинуш вытравляла чистые стремления к Богу.

Об этих изуродованных душах с горечью пишет митрополит Евлогий (Георгиевский): «К вере и Церкви семинаристы (за некоторыми исключениями) относились, в общем, довольно равнодушно, а иногда и вызывающе небрежно. К обедне, ко всенощной ходили, но в задних рядах, в углу, иногда читали романы; нередко своим юным атеизмом бравировали. Не пойти на исповедь или к причастию, обманно получить записку, что говел, – такие случаи бывали. Один семинарист предпочел пролежать в пыли и грязи под партой обедню, лишь бы не пойти в церковь... Таковы были нравы семинаристов. Они объяснялись беспризорностью...»

Но почти о том же пишет владыка Григорий (Чуков): «Меня всегда очень удивляло в значительной части моих товарищей какое-то непонятное для меня равнодушное отношение их к церковному ритуалу: они часто совершенно не знали элементарных богослужебных действий, как будто никогда их не видели или, видя, не интересовались. А ведь это были дети духовенства».

Между тем семинарское образование отличалось фундаментальностью. Изучали Священное Писание Ветхого Завета, догматическое богословие, литургику, историю богослужения, церковный устав, практическое руководство для пастырей, гомилетику – науку о проповеди. В старших классах – основное богословие, Священное Писание Нового Завета. Читались курсы логики, философии, психологии. Из исторических предметов главным была церковная история, но была и общая история, а также отдел исторических книг, курс обличения раскола. Преподавали латынь, древнееврейский язык, греческий (в семинариях было поставлено чтение слов по Рейхлину в отличие от гимназического эразмовского). Преподавали европейские языки. Знакомили с основами сельского хозяйства и медицины.

Сохранился библиотечный формуляр семинариста 1-го класса Василия Беллавина. В нем вписаны книги и журналы: «Сын Отечества» за 1839–1840 годы, «Русский вестник», «Географические очерки», «Медицина», «Очерки по сельскому хозяйству».

Первая проповедь

На четвертом курсе после рождественских каникул Василий Беллавин вернулся из Торопца в шубе.

– Архиерей! – сказали одноклассники, и, прожив столько лет без прозвища, Беллавин неожиданно получил его.

Шуба была великолепная.

Первый закон товарищества: делись лучшим, что у тебя есть. И у шубы началась своя особая жизнь. На тайные свидания с барышнями ходила шуба, в гости – шуба. Иногда она даже совершала путешествия: какой-нибудь семинарист, получив отпуск, отправлялся в свой городок или в село поразить домашних и знакомых.

В учебных буднях вдруг появился радостный светлячок. Приехал в семинарию новый преподаватель гомилетики.

Наука, почитавшаяся за второстепенную, преобразилась. Преподаватель открыл духовную красоту и глубину слова истины. Показал, сколь оно драгоценно – слово – и как его гасит неумелый проповедник.

Учились произносить лучшие образцы поучений, а потом говорить экспромты на заданную тему.

Очередь Беллавина была одной из первых, учитель вызывал учащихся по алфавиту. Тема: «Обновление души покаянием». Вставай и говори.

Василию помогла книга святителя Григория Богослова, которую читал в последние дни.

– «Во Имя Отца и Сына и Святого Духа! Залепляй воском уши от гнилого слова, но отвержай слух для всего доброго и прекрасного. Между словом, слышанием и делом расстояния не велики», – начал цитатой, и стало легко. – Так нас учат святые отцы, и все мы помним завет Иисуса Христа, данный людям при исцелении расслабленного: «Чадо, прощаются тебе грехи твои».

Учитель одобрительно кивал головою.

– Обновление души необходимо потому, что жизнь человека протекает в противоборстве греха и добра, тьмы и света. Апостол Павел сказал об этом в «Послании к римлянам»: «Знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе, потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, что не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех... Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?»

Да будут нам опорой святые наставления. Если человек не видит, что в жизни его верховенствует грех, – он воистину беден. Беден всякий из нас, кто не познал меры своей духовной нищеты, а эта нищета страшнее любой другой пагубы, ибо удаляет бедного человека от сокровищницы общения с Богом, от Бога.

Василий остановился. В классе было тихо.

– Хорошо, – сказал учитель, – однако коротко, неполно и незавершенно. Если можете, извольте продолжить проповедь.

– Архиерей, не подкачай! – шептали за спиной.

Василий снова нашел поддержку у святителя Григория Богослова:

– «Красотой почитай благолепие души; не то, что могут написать руки художника, а время разрушить, но то, что усматривается взором целомудренного ума». На любой вершине духовного совершенства грех может поразить человека и бросить в пропасть отчаяния. Борьба с грехом не имеет подобия в тварном мире. Это обстоятельство делает дорогу к свету тяжелой, а то и мучительной. Кто из смертных способен пройти эту дорогу в одиночку? Даже праведникам ее не одолеть без Божьей помощи... Божественное водительство не только указывает нам

всем святую цель жизни. Это Он, Христос, помогает нам Своим сошествием на землю, Своими крестными муками, смертью и Воскресением. Наша борьба с грехом двуедина. Греху противостоят одновременно и человек, при всей своей слабости, и Бог со славою Своею и Своею силой.

Таинство покаяния даровано Господом в помощь нам, это наше самое верное оружие, когда человек бодр, а когда немощен – то это лучшее из лекарств душе и телу.

Да услышим в последний час свой доброе слово нашего Всевышнего Врача: «Чадо, прощаются тебе грехи твои. Аминь».

Все это вылилось из души просто, легко, будто пробился родник и побежал светлым ручейком, а вместо воды были слова.

– Аминь, – повторил учитель. – Садитесь, Беллавин. Что можно добавить к произнесенному?

Поднял руку Борис Царевский, товарищ по сокровенным беседам.

– Видимо, надо было сказать о Божественной силе таинства покаяния, когда закоренелый грешник, покаявшись, во мгновение ока очищает душу от скверны греха. Искреннее покаяние не только изглаживает грехи перед Господом Богом, но делает их как бы несуществующими.

– Прекрасное дополнение, – похвалил учитель. – Кто еще?

Вспомнили: благодатная сила Божья сочетается с подвигом человеческого духа. Тяга к истине присуща душе.

Василий вдруг побледнел, поднял руку.

– Что, Беллавин?

– Я забыл сказать, может быть, о самом главном... Об убийстве помазанника Божия, императора Александра Николаевича. О грехе, который совершен злой богоборческой силой, но который ложится ярмом на весь русский народ. И мы всем народом должны покаяться в страшном грехе, умоляя: «Владыка, прости беззакония наша».

– Да, да, – сказал учитель, – но, пожалуй, это тема особой проповеди. – Улыбнулся Василию: – Всего-то, конечно, объять невозможно. Проповедь, я думаю, получилась. С такой безбоязненно можно и к прихожанам выходить... Для начала будем пробовать свои силы в семинарском нашем храме. А вам, Беллавин, скажу: у вас прекрасная память, но главное – вы умеете пользоваться знаниями. Задание всем. Прочитайте книгу епископа Палладия «Толкование на псалмы, составленное по текстам: еврейскому, греческому и латинскому (Вульгата), по учению отцов и учителей Святой Церкви». Книга принесет всем вам несомненную пользу.

Урок закончился. Товарищи подходили к Беллавину, обнимали:

– Архирей! Тут уж ничего не попишешь!

Горе

– Беллавина! Не видели Беллавина?!

Василий Иванович быстро промокнул чернила и спрятал тетрадь в стол: писал сочинение за скорбного умом собрата – грозило отчисление.

Дверь в класс отворилась.

– Что вы такие красные? – удивился дежурный вратник. – Архиерей, к тебе отец приехал.

– Господи! – удивился Василий Иванович, пошел следом за дежурным, но вернулся, шепнул своему товарищу: – Перепиши, да смотри, ошибок не наделай.

Отец ждал сына в комнате для свиданий с родственниками.

– Вася! – всплеснул он руками, вскакивая навстречу, и остановился. – Вася, Господи! Я ведь с горькой к тебе вестью. Сам вот решил приехать...

– Мама?! – Василий Иванович почувствовал, как испугалось сердце.

– Павел!.. Павел умер.

Василий Иванович побелел, целовал батюшку в мокрые щеки как во сне.

– Я у Князевых остановился, – говорил Иоанн Тимофеевич. – Пошли, панихиду закажем... Я завтра в Печеры съезжу. Помолюсь.

В голове, в сердце, в теле громоздилась бесцветная, бездушная пустота.

Два года тому назад Павел закончил историко-филологический факультет. Получил диплом учителя гимназии, но не было вакансий. Подал бумагу в Министерство народного просвещения, просил освободить от обязательной службы по гражданскому ведомству. Отпустили на все четыре стороны. Нашел место преподавателя латинского языка в Сызранском духовном училище, вернулся в лоно матери-Церкви. И вот – всему конец, в двадцать шесть лет...

– Помнишь, сон мне был? – спросил Иоанн Тимофеевич.

– Помню, батюшка... Мы тогда с Ваней Павлу поклонились, чтоб ему выпал жребий быть великим человеком... Как же так?

– Смирись, Вася. Смирение – самый лучший врач.

Ночью Василий Иванович пробудился от неясного, но очень дорогого воспоминания... Они с Павлом сразу после грозы вышли на улицу, вот только чего ради? Закрыл глаза и увидел сверкающую нить... Павел змея запустил! Нить была воцеленная. Целый клубок. Змей, умчавшись в небеса, размотал нитки без остатка. Павел уже учился в институте, но был счастлив, как мальчик: «Вася, он же у нас – братец молний. Его же и не видно!»

Змея и впрямь невозможно было найти среди сияющих облаков.

«Он словно живой. Он стремится залететь еще выше. Он выше стрижей! Ты видишь стрижей?»

Павел дал брату подержать в руках нить, и Вася почувствовал, как она дрожит, напрягается, тянет вверх.

«Павел, – сказал про себя Василий Иванович. – Я чувствую эту нить в себе. Я не знаю, что она такое, но я ее не выпущу».

Змея они, подчиняясь его порывам, отпустили, искали потом и не нашли.

«Павел, ты всегда хотел прожить какую-то особую, умную, полезную жизнь... Не знаю, получится ли у меня, но постараюсь быть достойным твоего одобрения. Ты хоть во сне ко мне приходи».

– Господи, Господи, помилуй меня!

Закрыв лицо рукой и почувствовал нить, упругую, тянущую вверх, но это был уже сон.

Веселый, легкий на шутовское слово, воспитанник Беллавин стал молчаливым, отстраненным.

В семинарии все было по-прежнему, но он чувствовал себя одиноким.

– Архиерей, встряхнись! – говорили ему. – Ты совсем у нас заучился. Кого-кого, а тебя в академию примут. Ты ведь Архиерей!

– Не вижу, чтоб мы заучивались, – отвечал Беллавин серьезно. – Уроки и те готовим спустя рукава.

Академия

К зданию Духовной академии Василий Иванович Беллавин подъехал на извозчике, это был первый в жизни извозчик, нанятый самостоятельно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.